

МУРАСАКИ СИКИБУ
Повесть о Гэндзи

Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моногатари)

Мурасаки Сикибу

**Повесть о Гэндзи (Гэндзи-
моногатари). Книга 2**

Сикибу М.

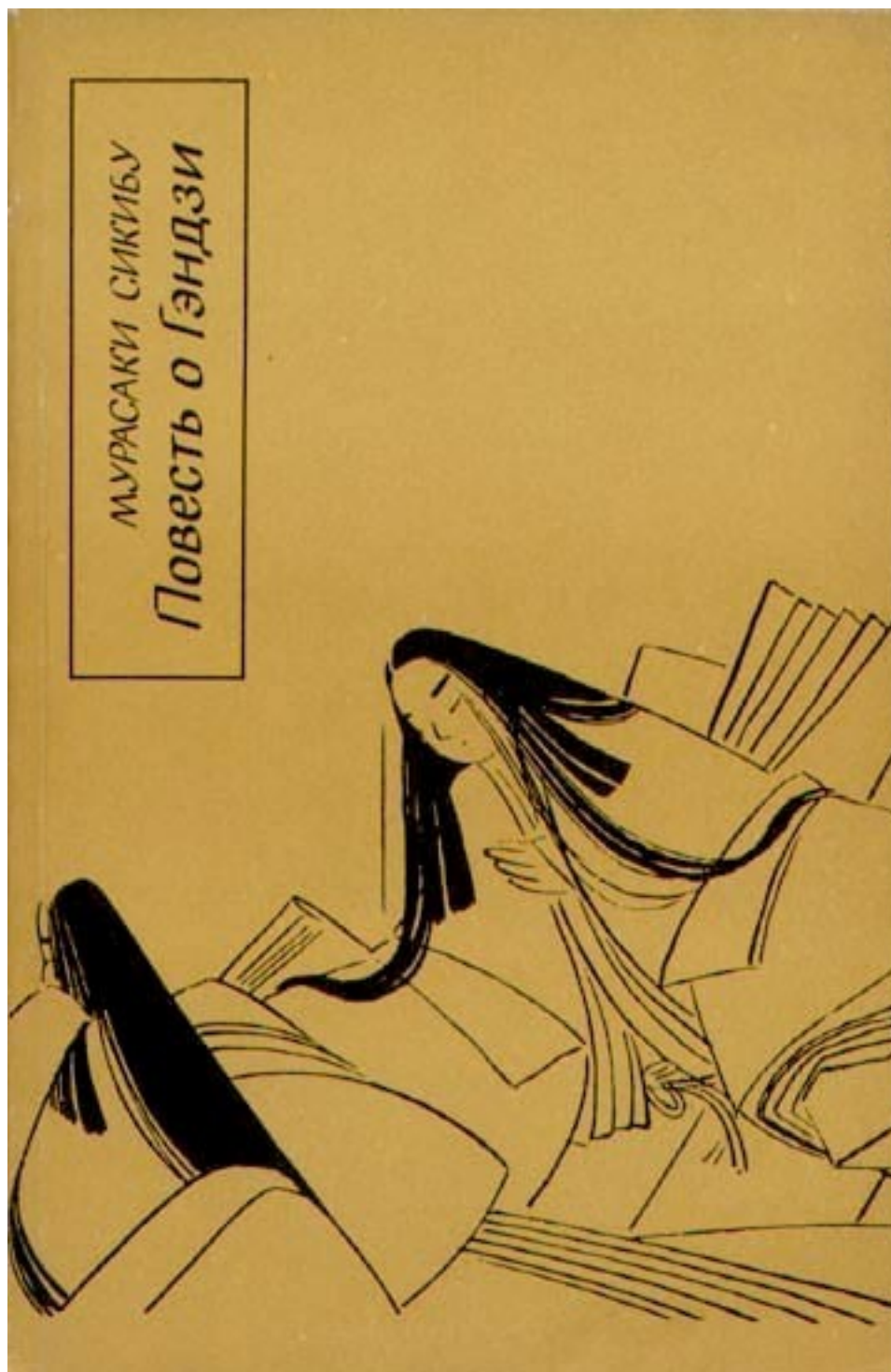
Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моногатари). Книга 2 / М. Сикибу —
— (Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моногатари))

«Повесть о Гэндзи» («Гэндзи-моногатари»), величайший памятник японской и мировой литературы, создана на рубеже X – XI вв., в эпоху становления и бурного расцвета японской культуры. Автор ее – придворная дама, известная под именем Мурасаки Сикибу. В переводе на русский язык памятник издается впервые. В книге 2 публикуются очередные главы «Повести».

Содержание

У заставы	10
Сопоставление картин	14
Ветер в соснах	25
Тающее облако	38
Утренний лик	54
Юная дева	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

**Мурасаки Сикибу
Повесть о Гэндзи
(Гэндзи-мологатари)
Книга 2**

Передняя обложка

МУРАСАКИ
СИКИБУ
**Повесть
о Гэндзи**
(ГЭНДЗИ-МОНОГАТАРИ)

В 4-х книгах

6/100
6

Книга

2

Москва
«НАУКА»

Издательская фирма «Восточная литература»
1993

Титульный лист

Передний форзац

Задний форзац

Задняя обложка

У заставы

Основные персонажи

Уцусэми – супруга правителя Хитати (см. кн. 1, гл. «Пустая скорлупка цикады»)

Министр Двора (Гэндзи), 29 лет

Эмон-но сукэ (Когими) – младший брат Уцусэми

Правитель Кавати (правитель Ки) – сын правителя Хитати, пасынок Уцусэми

Человек, которого ранее мы называли Иё-но сукэ, через год после кончины ушедшего на покой Государя был назначен правителем Хитати¹, куда и отправился, забрав с собой супругу, ту самую, что сложила когда-то песню о «дереве-метле».

Слух об изгнании Гэндзи донесся до далекого Хитати, и нельзя было сказать, чтобы женщина осталась к нему равнодушной, однако могла ли она отыскать средство сообщить Гэндзи о своих чувствах, когда даже ветер, перелетающий через вершину горы Цукуба (159)², казался ей ненадежным? Долгие годы не имели они вестей друг от друга. Но вот, хотя думалось, что испытаниям Гэндзи не будет конца, он возвратился в столицу, а осенью следующего года туда выехал помощник правителя Хитати.

Случилось так, что именно в тот день, когда правитель достиг заставы, Гэндзи выехал в храм Исияма³, дабы отслужить там благодарственный молебен. Помощник правителя Хитати, услышав от встретивших его у заставы людей, среди которых был и сын его, наместник Кии, о том, что скоро здесь должен проехать господин Гэндзи, решил, что им трудно будет разъехаться, и на рассвете следующего дня поспешил покинуть заставу, однако же многочисленные кареты сопровождающих ему дам, тесня друг друга, продвигались крайне медленно, а солнце тем

¹ Правителя Хитати называют далее и помощником правителя Хитати

² Цукуба – самая высокая гора в пров. Хитати

³ Исияма – храм, принадлежавший последователям учения Сингон и посвященный бодхисаттве Каннон. Основан примерно в 762 г. Находился в местности Исияма пров. Оми, южнее оз. Бива и восточнее заставы на горе Встреч. В эпоху Хэйан храм Исияма был одним из наиболее почитаемых храмов в аристократических кругах

временем поднималось все выше и выше. Они добрались до побережья Утиидэ, когда на дороге показались передовые Гэндзи. Громко возглашая: «Господин уже миновал гору Авада!», они двигались плотной толпой, так что объехать их не представлялось возможным. Путники из Хитати принуждены были остановиться у горы Заставы, Сэкияма. Отведя кареты под растущие по обочинам криптомерии, слуги распрягли быков, а сами устроились в тени деревьев и, почтительно склонившись, стали ждать, пока проедет Гэндзи.

Свита помощника правителя Хитати производила весьма внушительное впечатление, даром что часть ее оставалась в провинции, а часть была отправлена в столицу заранее. Примерно из десятка карет выглядывали края рукавов и подола разнообразнейших оттенков – благородные, без всякого налета провинциальности. Можно было даже подумать, что какие-то знатные дамы приехали сюда из столицы, дабы посмотреть на отправление жрицы в Исэ или на какую-нибудь другую столь же великолепную церемонию.

Гэндзи, снова вознесенный судьбой, тоже был окружен бесчисленным множеством приближенных, и вряд ли кто-то из них не обратил внимания на стоящие у дороги кареты.

Приближалась к концу Долгая луна, осенние листья сплетались в чудесном узор, земля же была расцвечена живописнейшими пятнами поблекших от инея трав. Не менее живописными представлялись взору беспорядочной толпой выходившие из здания заставы приближенные Гэндзи в разноцветных дорожных платьях, украшенных сообразными званию каждого вышивками и узорами. Занавеси в карете самого Гэндзи были опущены, но, призвав Когими – теперь его называли Эмон-но сукэ, – Гэндзи сказал:

– Ваша сестрица должна наконец оценить мое постоянство. Я доехал до самой заставы, чтобы встретить ее.

Гэндзи часто с нежностью вспоминал эту женщину, но не бессмысленно ли было обращаться к ней с обычными, ничего не значащими словами? Она тоже не забывала его, и эта встреча пробудила в ее душе трогательные воспоминания.

«Слезы текут,
Уезжаю ль, домой возвращаюсь -
Не могу их сдержать.
«Уж не ключ ли забил у заставы?» -
Думают, верно, люди.

Впрочем, вряд ли он узнает...» – посетовала она, но, увы, что толку...

Когда Гэндзи возвращался из Исияма, Эмон-но сукэ встретил его у заставы, рассыпаясь в извинениях: простите, мол, что не смог сразу же к вам присоединиться.

Когда-то, когда он был совсем еще ребенком, Гэндзи, полюбив, приблизил его к себе, и мальчик жил под сенью его покровительства, пока не надели на него шапку придворного. Когда же в жизни Гэндзи произошли неожиданные перемены, юноша, испугавшись людской молвы, уехал в Хитати, что несколько умалило расположение к нему Гэндзи, хотя внешне это никак не проявлялось. Не испытывая к юноше прежнего доверия, Гэндзи все же ввел его в число самых близких своих домочадцев.

Бывший правитель Кии стал теперь правителем Кавати. Его младший брат в свое время, отказавшись от звания Укон-но дзо, последовал за Гэндзи в изгнание, за что Гэндзи теперь особенно его отличал, и, видя это, многие раскаивались: «О, зачем так стремились мы подолститься к тем, кто был в силе?»

Так вот, призвав Эмон-но сукэ, Гэндзи вручил ему письмо.

«Удивительно, что он до сих пор помнит о том, о чем любой на его месте давно бы забыл», – изумился юноша.

«На днях я имел возможность убедиться в связанности наших судеб... Поняли ли это Вы?

На скрещенье дорог
Случай нас свел, и надежда
Возникла в душе.
Но, увы, все напрасно – ракушек
В пресном море не стоит искать...

О, как завидовал я «хранителю заставы» (224), как досадовал... – писал Гэндзи. – Так давно мы не сообщались друг с другом, что я не могу отделаться от ощущения, будто пишу вам впервые. Вместе с тем я не забыл ничего, и чувства мои так же сильны, как если бы зародились сегодня. Но, может быть, вы и теперь будете корить меня за ветреность?..»

Обрадованный, Эмон-но сукэ почтительно принял письмо и отправился к сестре.

– Прошу вас написать ответ. Я понимаю, что не смею рассчитывать на прежнее доверие, но господин тем не менее все так же добр ко мне, и признательность моя не имеет границ. Не очень-то хорошо быть посредником в таких делах, но я не сумел отказать ему... Не думаю, чтобы кто-нибудь осудил женщину за проявление обыкновенной чувствительности, – сказал он.

За годы, проведенные в провинции, супруга правителя Хитати стала еще застенчивее, всякая неожиданность подобного рода пугала ее, но могла ли она вовсе не откликнуться на письмо Гэндзи? Тем более что так давно он не писал к ней...

«Заставою Встреч
Это место зовут. Право, стоит ли
Так его называть?
Сквозь чашу вздохов приходится
Каждый раз пробираться сюда...

Уж не пригрезилось ли мне?..» – написала она в ответ.

Так прелестна и так непреклонна была эта женщина, что Гэндзи оказался не в силах забыть ее и время от времени писал к ней, надеясь смягчить ее сердце.

Между тем правитель Хитати, оттого ли, что лет ему было немало, или по какой другой причине, стал слаб здоровьем и, озабоченный будущим супруги, постоянно говорил о ней с сыновьями.

– Не отказывайте ей ни в чем, пусть все в доме останется так, как было при мне, – наказывал он им и днем и ночью. А женщина кручинилась, думая: «И без того горестна моя жизнь, что же будет со мной, когда его не станет? Какие еще беды ждут меня впереди?»

«Жизнь имеет пределы, и, как это ни прискорбно, продлить ее невозможно, – думал, глядя на супругу, правитель Хитати. – О, если б я мог оставить в этом мире хотя бы душу свою, чтобы охраняла ее! Увы, не проникнуть мне в намерения сыновей».

Только о ней и помышлял он в те дни. Но как ни тревожно ему было оставлять ее одну, жизнь, увы, неподвластна человеческой воле, и скоро его не стало.

Некоторое время из уважения к памяти отца сыновья правителя Хитати выказывали живое участие во всем, что касалось мачехи, но в сердцах их не было искренности, и слишком многое удручало ее. Что ж, таков удел этого мира, и женщина не жаловалась, лишь вздыхала украдкой о горестной своей судьбе. Тут еще правитель Кавати, который и прежде вел себя довольно легкомысленно, стал проявлять по отношению к ней явно чрезмерное внимание.

– Ведь отец так просил нас... Вы не должны избегать меня, ничтожного. Доверьтесь мне во всем, – заискивающе говорил он, надеясь добиться ее расположения, но его недостойные замыслы были слишком очевидны.

«У меня столь неудачное предопределение, что, если я и дальше останусь жить в этом суетном мире, мне наверняка придется изведать невзгоды, которые редко кому выпадают на долю», – подумала она и постриглась в монахини, никого не поставив о том в известность. «Что ж, теперь ничего не изменишь», – вздыхали ее прислужницы.

Правитель Кавати, почувствовав себя уязвленным, сказал:

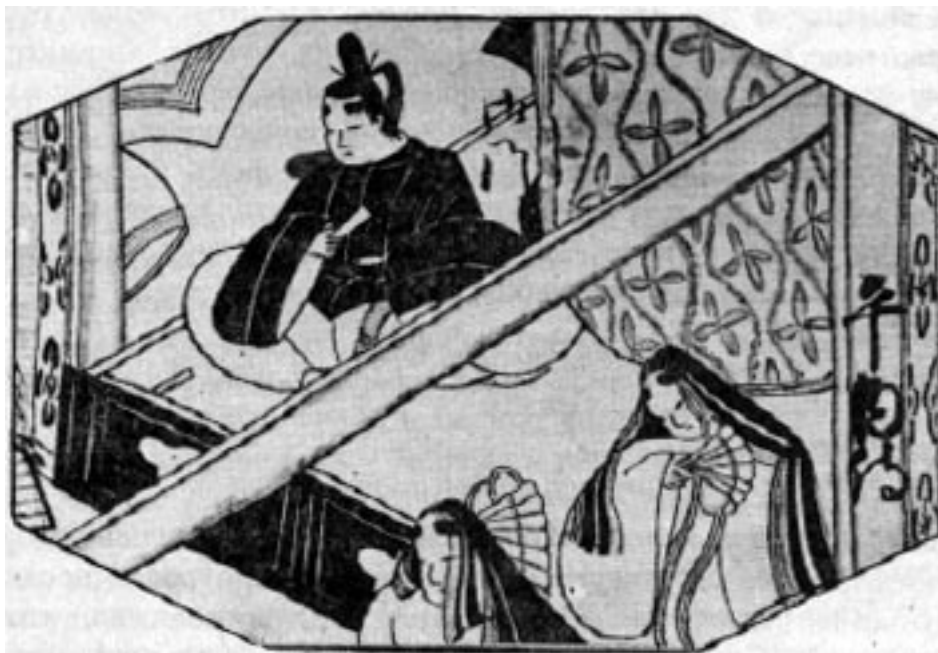
– Неужели я так вам неприятен?.. Ведь у вас впереди долгая жизнь. Как же вы думаете жить теперь?

А некоторые говорили:

– Женщине не подобает проявлять такую твердость духа...

Сопоставление картин

Основные персонажи

Министр Двора (Гэндзи), 31 год

Государыня (Фудзицубо), 36 лет, – мать имп. Рэйдзэй

Отрекшийся государь (имп. Судзаку) – сын имп. Кирицубо и Кокидэн

Бывшая жрица Исэ, обительница Сливового павильона (Акиконому), 22 года, – дочь Рокудзё-но мясудокоро и принца Дзэмбо, воспитанница Гэндзи

Нынешний государь (имп. Рэйдзэй) – сын Фудзицубо и Гэндзи (официально сын имп. Кирицубо)

Дама из дворца Кокидэн – дочь Гон-тюнагона, наложница имп. Рэйдзэй

Гон-тюнагон (То-но тюдзё) – брат Аои, первой супруги Гэндзи

Принц Хёбукё (Сикибукё) – отец Мурасаки

Государыня-мать (Кокидэн) – мать имп. Судзаку

Найси-но ками (Обородзукиё) – придворная дама имп. Судзаку, тайная возлюбленная Гэндзи

Принц Соти (Хотару) – сын имп. Кирицубо, младший брат Гэндзи

Госпожа из Западного флигеля (Мурасаки), 23 года, – супруга Гэндзи

Государыня, возмев желание ввести бывшую жрицу Исэ в покои Государя, делала все, чтобы это осуществилось. Министр Гэндзи, сожалея о том, что у жрицы нет надежного покровителя, способного войти в ее повседневные нужды, все же отказался от мысли перевозить ее в дом на Второй линии, ибо слух о том наверняка дошел бы до отрекшегося Государя. При-творяясь, будто ему ничего не известно, он тем не менее взял на себя заботы по подготовке соответствующей церемонии – словом, делал все, что полагается родителю.

Отрекшийся Государь был весьма огорчен, узнав о готовящемся событии, но перестал писать к жрице, дабы не подавать повода к молве, когда же пришел день представления ко двору, послал ей заботливо подобранные дары: невиданной красоты наряды, редкостного изящества шкатулки для гребней и прочего, ларцы с горшочками для благовоний, разнообразные курения, превосходные благовония для платья, которых аромат ощущался за сто шагов. Готовя все эти вещи, отрекшийся Государь, несомненно, думал о том, что их увидит министр Гэндзи, а потому отнесся к их выбору с особым вниманием.

Министр и в самом деле находился в доме жрицы, и ее главная дама показала ему присланные дары. Стоило лишь мельком взглянуть на крышку шкатулки для гребней, чтобы понять, сколь тонкой работы была эта вещь. К шкатулке для шпилек вместе с веточкой искусственных цветов¹ был прикреплен небольшой листок бумаги:

«Может быть, потому,
Что твою прическу украсил я
Гребнем прощальным,
Определили нам боги
Розно по жизни пройти...»

Нельзя было не пожалеть Государя, и Гэндзи невольно почувствовал себя виноватым. На собственном опыте зная, сколь трудно противостоять искусительным стремлениям сердца, он хорошо понимал, что должен был испытывать Государь в тот давний день, когда дочь мясудокоро отправлялась в Исэ. Теперь она в столице и, казалось бы, ничто не мешает Государю удовлетворить давнее свое желание... Но вот – новое, совершенно неожиданное препятствие. Удалившись на покой, Государь обрел наконец возможность жить тихо, безмятежно, и когда бы его не заставили вновь сетовать на мир... Ставя себя на его место, Гэндзи не мог не сознавать, что сам он в подобных обстоятельствах вряд ли сумел бы сохранить присутствие духа. «Как дерзнул я обидеть Государя, столь необдуманно упорствуя в своих притязаниях? Разумеется, у меня были причины чувствовать себя уязвленным, но я же знаю, как он добр, как мягкосердечен...» Гэндзи долго стоял, не в силах победить душевное волнение.

– Как вы собираетесь ответить? Наверное, были и другие письма? – спрашивает он, но дамы, смутившись, не решаются их показать. Сама жрица, чувствуя себя нездоровой, не проявляет никакого желания отвечать Государю.

– Оставлять письмо без ответа неучтиво и непочтительно, – настаивают дамы, но, увы, тщетно.

Услыхав их перешептывания, Гэндзи говорит:

– Нельзя пренебрегать посланием Государя. Напишите хоть несколько строк.

Жрица никак не может решиться, но вдруг вспоминается ей тот давний день, когда уезжала она в Исэ и Государь, показавшийся ей таким изящным и красивым, плакал, сожалея о разлуке. Безотчетная нежность, которая возникла тогда в ее юном сердце, вновь оживает в ней, словно и не было всех этих долгих лет. Тут же в ее памяти всплывает образ покойной мясудокоро, и она пишет:

«Когда-то давно,
В дальний путь меня провожая,
Говорил ты: «Прощай!»

¹ ...вместе с веточкой искусственных цветов... – Шкатулку с подарком полагалось украшать либо лоскутом ткани с выложенным на ней из шнура или золотой или серебряной проволоки цветочным орнаментом, либо веточкой искусственных цветов, к которой прикреплялось письмо

Почему-то с особенной грустью
Вспоминаю сегодня тот день...»

Вот, кажется, и все, что она написала в ответ.

Гонца осыпали почестями и дарами. Гэндзи очень хотелось узнать, что ответила жрица, но он не решился спрашивать. Отрекшийся Государь был так красив, что, будь он женщиной, Гэндзи непременно увлекся бы им; жрица тоже отличалась замечательной красотой, так что они наверняка составили бы прекрасную чету, тогда как нынешний Государь был совсем еще юн... Гэндзи терзался сомнениями, ему казалось, что жрица в глубине души недовольна тем, как решилась ее участь, но изменить что-либо было уже нельзя, и он продолжал руководить подготовкой к церемонии, следя за тем, чтобы строго соблюдались все предписания, надзор же за непосредственным ее осуществлением поручил одному из своих приближенных, Сури-но сайсё. По-прежнему чувствуя себя виноватым перед бывшим Государем и не желая, чтобы тот узнал о его попечениях, Гэндзи старался делать вид, что приходит во Дворец с единственной целью – навеститься о Государе. В доме жрицы всегда собиралось много благородных дам, а как теперь ее обществом не гнушались даже самые знатные из них, раньше предпочитавшие большую часть времени проводить в собственных семьях, она оказалась окруженной такой великолепной свитой, какой прежде в столице и не видывали.

«Жаль, что ее мать не дожила. Как радовалась бы она, что старания ее увенчались успехом, как готовилась бы к этому дню», – думал Гэндзи, с тоской вспоминая ушедшую. Да и не он один, многие скорбели о ней, многим ее не доставало. Трудно было не отдать справедливой дани незаурядным дарованиям и душевному благородству мясудокоро, и разве не удивительно, что мысли Гэндзи то и дело возвращались к ней?

В тот день Государыня тоже находилась во Дворце. Узнав, что сегодня в его покоях появится новая дама, Государь томился любопытством и нетерпением, волнение, отражавшееся на его лице, чрезвычайно его красило. Он казался старше своих лет и обладал основательным умом, который редко встречается в столь юном возрасте.

– Скоро сюда пожалует очень красивая дама. Вам следует оказать ей достойный прием, – наставляла Государя мать, а он смущался, не зная, как следует себя вести. «Говорят, она совсем уже взрослая...»

Но вот спустилась ночь, и во Дворце появилась жрица. Она была так спокойна и сдержанна, так стройна и изящна, что Государь не мог отвести от нее глаз.

К обитательнице дворца Кокидэн он успел привыкнуть и не стеснялся ее. Новая же дама держалась с таким величавым достоинством, что он невольно робел, тем более что и Гэндзи был к ней чрезвычайно почтителен. Так вот и получилось, что обе дамы равно прислуживали Государю ночью, а дни он чаще проводил во дворце Кокидэн, теша себя невинными детскими забавами. Гон-тюнагон, отдавая дочь во Дворец, возлагал на нее большие надежды, и появление соперницы не могло не встревожить его.

Получив ответ на свое письмо, отосланное вместе со шкатулкой для гребней, отрекшийся Государь почувствовал, как трудно будет ему забыть жрицу.

Однажды к нему зашел министр, и они долго беседовали. Государь снова завел разговор о том памятном дне, когда жрица отправлялась в Исэ, но, поскольку прямо не говорил о своих чувствах, Гэндзи тоже решил не показывать своей осведомленности. Однако, желая проникнуть в тайные думы Государя, то и дело переводил разговор на жрицу и обнаружил, к величайшему своему сожалению, что она и теперь далеко не безразлична ему.

Зная, что Государя пленила прежде всего необыкновенная миловидность этой особы, Гэндзи изнемогал от любопытства, но, увы, приблизиться к ней было невозможно. Обладая она хоть малой долей той беспечности, которая обычно бывает свойственна юным годам, он, несомненно, нашел бы средство увидеть ее, но, отличаясь необыкновенной строгостью нрава,

жрица вела себя теперь еще церемоннее прежнего, манеры же ее с каждым днем приобретали все большую утонченность, и Гэндзи радовался, видя, что ожидания его не оказались обманутыми.

Итак, две дамы прислуживали Государю, целиком занимая его мысли, поэтому принц Хёбукё не спешил отдавать дочь во Дворец. «Подожду, – думал он. – Может быть, когда Государь станет немного старше...»

Государь благоволил к обеим прислуживающим ему дамам, они же соперничали друг с другом, ибо каждая желала занять в его сердце главное место.

Больше всего на свете Государь любил живопись. Возможно, именно благодаря подобному пристрастию ему и удалось достичь на этом поприще поистине несравненного мастерства. Бывшая жрица тоже прекрасно владела кистью, а потому довольно быстро сумела завоевать его расположение. Государь то и дело заходил в ее покои, и они рисовали друг для друга. Он всегда выделял своей благосклонностью тех молодых придворных, которые занимались живописью, поэтому нетрудно себе представить, с какой нежностью смотрел он на эту прелестную особу, когда, изящно облокотившись на скамеечку-подлокотник, она то набрасывала что-то на листке бумаги пленительно свободными движениями, то медлила с кистью в руке. Все больше времени проводил он в ее покоях, и с каждым днем умножалась его привязанность к ней.

Слух о том дошел до Гон-тюнагона, возбудив в его сердце дух соперничества. «Не в моем обычае уступать», – подумал он, а как был человеком своенравным и ко всяким новшествам склонным, то выбрал превосходнейшую бумагу и, пригласив к себе в дом лучших мастеров, приказал им создать произведения, равных которым еще не бывало.

– Картины на темы повестей – что может быть интереснее и достойнее внимания? – решил он и, отобрав самые увлекательные, самые изысканные, по его мнению, повести, вручил их живописцам. Затем, выбрав несколько на первый взгляд вполне обыкновенных картин в жанре «луна за луной»², сделал к ним необычные надписи, после чего пригласил Государя взглянуть на них. Зная, с каким тщанием готовил Гон-тюнагон эти картины, Государь перебрался в покои Кокидэн, дабы не спеша полюбоваться ими, но, увы, его ждало разочарование: Гон-тюнагон весьма неохотно выпускал картины из рук и прятал их прежде, чем Государь успевал ими насладиться, а уж о том, чтобы взять их с собой, в покои жрицы, не могло быть и речи.

Слух о том дошел до министра Двора.

– Господин Гон-тюнагон, как видно, до сих пор не избавился от прежних замашек, – улыбнувшись, заметил он. – Разве можно так огорчать Государя? Зачем нарочно прятать от него картины, не давая ему спокойно разглядывать их? У меня у самого много старинных картин, и я почту за честь...

Распорядившись, чтобы из шкафчиков извлекли хранившиеся там старые и новые картины, Гэндзи, призвав на помощь госпожу из Западного флигеля, принялся рассматривать их, желая выбрать наиболее отвечающие нынешним вкусам.

– По-моему, одними из самых прекрасных и трогательных являются картины на темы «Вечной печали» и «Ван Чжаоцзюнь»³, но они могут послужить недобрым предзнаменованием, – сказал Гэндзи и отложил их в сторону. Затем вытащил ларец, где хранились дневники, которые он вел в годы скитаний, решив, как видно, воспользоваться случаем и показать их госпоже.

Рисунки, привезенные Гэндзи из Сума, растрогали бы даже человека – разумеется, если не был он совершенно лишен чувствительности, – никогда прежде не слыхавшего о его испы-

² ...картин в жанре «луна за луной»... – Имеются в виду картины с изображением праздников каждой луны

³ «Вечная печаль» – поэма Бо Цзюйи (см. примеч. 23 к гл. «Павильон Павлоний» кн. 1), «Ван Чжаоцзюнь» – написанная по-китайски поэма Оэ Асацуна (см. примеч. 19 к гл. «Сума» кн. 1)

таниях. Что же говорить о самом Гэндзи и его супруге? Они еще и очнуться не успели от того незабываемого горестного сна, и надобно ли рассказывать, с каким волнением разглядывали они рисунки, столь живо напомнившие им о прошлом? Госпожа тут же принялась пенять Гэндзи за то, что он до сих пор их ей не показывал.

– Чем в столице одной
Изнывать от тоски неизбывной,
Предпочла бы сама
Рисовать этот дикий край,
Где у моря живут рыбаки.

Право, мне бы не было так одиноко... – говорит она, а Гэндзи, растроганный, отвечает:

– Даже в те дни,
Когда жизнь была бесконечной
Чередой невзгод,
Так не плакал, как плачу теперь,
К минувшему возвращаясь.

Разумеется, эти рисунки стоило показать хотя бы Вступившей на Путь Государыне. Выбирая наиболее удачные листы, которые давали ясное представление о его жизни на побережье, Гэндзи уносился мыслями в далекое Акаси: «Как живут они там теперь?»

Услыхав о его приготовлениях, Гон-тюнагон еще усерднее принялся подбирать валики, парчовые обрамления, шнуры и прочие украшения для свитков.

Стояла середина Третьей луны, дни были безоблачными, а люди безмятежными – самая подходящая пора для тихих, изящных развлечений. К тому же на ближайшее время не намечалось никаких торжественных церемоний, так что обе дамы имели довольно досуга, чтобы заниматься живописью.

«Раз уж так получилось, пошлю во Дворец побольше картин, пусть Государь порадует», – решил Гэндзи и, отобрав лучшие из имеющихся в его доме, отослал их бывшей жрице. В конце концов в покоях каждой дамы собралось множество разнообразнейших произведений живописи.

Пожалуй, самыми изящными и трогательными были картины на темы повестей, причем дама из Сливового павильона предпочитала известные старинные повести, сохранявшие благородный аромат древности, а обитательница дворца Кокидэн имела пристрастие к произведениям современным, поражающим воображение читателей своей изощренностью, привлекающим яркостью слога и новизной содержания, которые, казалось, обеспечивали им преимущество. В ту пору придворные дамы, во всяком случае те из них, кто понимал в этом толк, только и делали, что спорили, какие картины лучше.

Государыня, жившая тогда во Дворце, тоже с увлечением отдавалась этому занятию, иногда даже в ущерб молитвам, ибо любовь к живописи была той слабостью, от которой ей оказалось труднее всего избавиться.

Слыша вокруг себя постоянные споры, Государыня в конце концов решила разделить дам на левых и правых.

На стороне обитательницы Сливового павильона оказались: Хэйнаиси-но сукэ, Дзидзю-но найси, Сёсё, а к правым примкнули Дайни-но найси-но сукэ, Тюдзё и Хёэ. Все эти дамы были известны в мире образованностью и тонким вкусом, поэтому Государыня с наслаждением ловила каждое слово, в пылу спора срывавшееся с их уст.

Сначала спор завязался вокруг прародительницы всех повестей, «Повести о старике Такэтори»⁴, которую сопоставляли с историей Тосикагэ из «Повести о дупле»⁵.

– Разумеется, с каждым новым поколением, с каждым новым коленцем бамбука, эта повесть старела, – говорят левые, – и может показаться, что в ней нет ничего необычного. Но подумайте, ведь Кагуя-химэ⁶, живя в мире, исполненном скверны, сумела сохранить чистоту и в конце концов вознеслась к далеким небесам, исполнив свое высокое предопределение. События эти переносят нас в век богов, и, возможно, именно по этой причине они недоступны пониманию нынешних женщин, целиком сосредоточенных на мирском.

– Небеса, куда вознеслась Кагуя-химэ, в самом деле недостижимы для обычных людей, и никому из нас не дано их познать, – отвечают правые. – Но посмотрите, какова ее судьба в нашем, земном мире. Возникла она из колена бамбука, происхождение, которое вряд ли можно считать благородным. Вы скажете, что она озарила своим сиянием дом старика, и это действительно так, но почему-то это сияние оказалось недостаточно ярким для того, чтобы соединиться со светочем, за Стокаменными стенами обитающим. Абэ-но ооси потерял тысячи золотых слитков⁷, но пламя в одно мгновение уничтожило платье из мышьиной шкурки, и вместе с ним беспомощно угасла его любовь. А принц Кура-моти? Зная, сколь недоступна настоящая гора Хорай, он все-таки попытался обмануть Кагуя-химэ, и ветка из драгоценных камней стала его позором. Все это вряд ли можно считать достоинствами повести.

Картины к «Повести о старике Такэтори» принадлежали кисти Косэ-но Ооми⁸, а текст написал Ки-но Цураюки. Свитки были сделаны из бумаги «канъя», подбитой китайским шелком, имели красновато-лиловое обрамление и сандаловые валики – словом, ничем особенным не отличались.

– Ужасная морская буря занесла Тосикагэ в неведомую страну⁹, но ему все-таки удалось достичь желанной цели, и в конце концов слава о его чудесном даре распространилась и в чужих землях, и в нашей, а имя сделалось достоянием потомков. Во всем этом есть истинное ощущение древности. Картины же замечательны чередованием китайских и японских пейзажей, им поистине нет равных, – говорят правые.

Свитки «Повести о Тосикагэ» были сделаны из белой бумаги с зеленым обрамлением и валиками из золотистого камня. Живопись принадлежала кисти Цунэнори⁹, надписи были выполнены Митикадзэ¹⁰. Написанные в новом стиле, картины эти привлекали внимание яркой изысканностью. Левой стороне нечего было им противопоставить.

Затем принимаются сопоставлять «Повесть из Исэ»¹¹ и «Дзёсамми»¹² и опять не могут прийти к единому мнению. Пожалуй, преимущество и теперь оказывается на стороне правых,

⁴ «Повесть о старике Такэтори» («Такэтори-моноготари») – одна из первых японских повестей (середина IX в.), дошедших до нашего времени (переведена на русский язык В. Н. Марковой, см.: Две старинные японские повести. М., 1976)

⁵ «Повесть о дупле» («Уцубо-моноготари») – одна из сохранившихся повестей конца X в., авторство которой некоторыми исследователями приписывается Минамото Ситаго (911-989). В повести изображаются четыре поколения одного семейства, связанного с историей появления в Японии цитры «кото». Тосикагэ – герой первой части повести

⁶ Кагуя-химэ – лунная дева, героиня «Повести о старике Такэтори»

⁷ Абэ-но ооси потерял тысячи золотых слитков... – В основе сюжета «Повести о старике Такэтори» лежит ситуация «выбора женихов». Многочисленным поклонникам, осаждавшим Кагуя-химэ (Абэ-но ооси и принцу Курамоти – в их числе), были даны задания, исполнив которые они могли взять ее в жены. Не умея выполнить эти непосильные для человека задания, женихи прибегли к разному рода уловкам и ухищрениям, но были разоблачены

⁸ Косэ-но Ооми – известный живописец начала X в., сын Косэ Канаока, основавшего в IX в. школу Косэ в живописи

⁹ Ужасная морская буря занесла Тосикагэ в неведомую страну... – Тосикагэ был послан в Китай, но, потерпев кораблекрушение, долго скитался. В скитаниях он обрел чудесный дар игры на цитре и прославился в Китае и в Японии

⁹ Ужасная морская буря занесла Тосикагэ в неведомую страну... – Тосикагэ был послан в Китай, но, потерпев кораблекрушение, долго скитался. В скитаниях он обрел чудесный дар игры на цитре и прославился в Китае и в Японии

¹⁰ Митикадзэ (Оно-но Митикадзэ, или Оно-но Тофу) – известный каллиграф начала и середины X в.

¹¹ «Повесть из Исэ» («Исэ-моноготари») – сборник новелл, в которых проза перемежается с пятистишиями (танка). Приписывается поэту Аривару Нарихира (825-880). «Повесть из Исэ» переведена на русский язык Н. И. Конрадом (см.: Исэ-

которые представляют ярко и живо написанные картины с изображением различных сцен из современной жизни, и прежде всего из жизни дворцовых покоев. Тут Хэйнаиси произносит:

– Не умея проникнуть
В морские глубины Исэ,
Неужели сотрем
Дела минувшие в памяти,
Как волна стирает следы?

Разве эта пустая, искусно приукрашенная любовная история способна затмить имя Ари-вара Нарихира?

Право, довод не очень убедительный. Со стороны правых отвечает Дайни-но сукэ:

– Если душа
Воспаряет к заоблачным далям,
Ей оттуда и море
В много тысяч хиро глубиной
Непременно покажется мелким.

– Разумеется, возвышенные чувства Хёэ-но оогими¹³ не могут не вызывать уважение, но и к Дзайго-но тюдзё¹⁴ нельзя относиться пренебрежительно, – говорит Государыня, затем добавляет:

– Случайному взору
Показаться могут увядшими
Травы морские,
Но разве увянут речи
Рыбаков с побережья Исэ?

Долго состязались обитательницы женских покоев, одно мнение приходило на смену другому, каждый свиток становился предметом ожесточенных споров, однако согласие так и не было достигнуто. Менее искушенные молодые дамы умирали от желания посмотреть на спорящих, но никому из них – прислуживали ли они Государю или Государыне – не удалось ровно ничего увидеть, ибо Государыня пожелала обойтись без огласки.

Министр Гэндзи время от времени заходил во Дворец, и его немало забавляли эти шумные споры.

– Раз уж так получилось, отчего не разрешить окончательно ваш спор в присутствии Государя? – заявил он в конце концов.

Собственно говоря, именно это он и имел в виду, когда перевозил в Сливовый павильон картины из своего собрания. В покоях жрицы собралось немало прекрасных произведений, но Гэндзи счел целесообразным добавить к ним еще два свитка, привезенные из Сума и Акаси. Не отставал от него и Гон-тюнагон, В те времена собирание картин стало самым любимым занятием в Поднебесной.

моногатари. М., 1979)

¹² «Дзёсамми» – очевидно, одна из повестей, распространенных во времена Мурасаки. До нашего времени не дошла

¹³ Хёэ-но оогими – героиня повести «Дзёсамми»

¹⁴ Дзайго-но тюдзё – одно из прозваний Аривару Нарихира

– Мне кажется, не стоит нарочно для этого случая заказывать что-нибудь новое. Достаточно тех картин, которыми мы располагаем, – решил Гэндзи, но Гон-тюнагон, никому ничего не говоря, устроил в своем доме тайные покои и, посадив туда мастеров, дал им соответствующие задания. Даже до отрекшегося Государя дошел слух о том, что происходит, и он изволил прислать обитательнице Сливового павильона некоторые из принадлежащих ему картин.

Среди них оказался свиток с изображением важнейших годовых праздников. Различная по стилю живопись была выполнена древними мастерами и сопровождалась пояснениями, принадлежащими кисти самого императора Энги¹⁵. На другом свитке воспроизводились события тех лет, когда миром правил отрешившийся Государь, и среди них столь глубокий след оставившая в его сердце церемония отправления жрицы в Исэ, имевшая место когда-то во дворце Дайгоку. Государь особо поручил Киммоти¹⁶ запечатлеть этот эпизод, дав ему точные указания относительно того, как и что должно быть изображено. Этот великолепный свиток, уложенный в футляр из аквилярии с изящнейшей ажурной резьбой и украшениями, придававшими ему весьма современный вид, тоже был отослан в Сливовый павильон вместе с устным посланием от Государя, которое передал Сакон-то тюдзё, служивший теперь и во дворце Красной птицы. В той части свитка, где было изображено, как жрицу торжественно подносят на носилках к дворцу Дайгоку, Государь собственноручно сделал такую надпись:

«Живу я теперь
Вне священных пределов,
Но думы мои
До сих пор стремятся к далеким,
Ушедшим в прошлое дням...»

Не ответить было бы непочтительно, и бывшая жрица, вздохнув, надломив конец той самой шпильки и, написав:

«В священных пределах
И следа не осталось от прошлого.
Печально смотрю
Вокруг, с тоской вспоминая
Годы, отданные богам», -

завернула письмо в светло-синюю китайскую бумагу и велела отнести во дворец Красной птицы. Гонец получил богатые дары. Письмо обитательницы Сливового павильона растрогало бывшего Государя до слез. О когда б можно было вернуть прошлое! Как все-таки жестоко поступил с ним министр!

Впрочем, не правильнее ли было считать, что все эти неудачи посланы ему в наказание за прошлые заблуждения?

Картины свои Государь унаследовал от Государыни-матери, причем значительная их часть была, очевидно, передана даме из дворца Кокидэн. Большой любительницей живописи оказалась и Найси-но ками, сумевшая собрать немало прекрасных произведений, вполне отвечающих ее тонкому вкусу.

¹⁵ Энги – символ годов правления императора Дайго (885-930, правил в 897-930 гг.), выдающегося поэта и каллиграфа, покровителя искусств

¹⁶ Киммоти (Косэ-но Киммоти) – один из выдающихся художников X в., внук Косэ-но Канаока

Наконец день был назначен, и, хотя времени почти не оставалось, дамы сумели подготовить самое необходимое и с приличным случаю изяществом разместить картины в покоях Государя.

Сиденье для Государя было устроено в помещении придворных дам, а с северной и южной сторон от него расположились спорящие, предварительно разделившись на левых и правых. Придворные собрались на галерее дворца Грядущей прохлады, Корёдэн, приготовившись выражать сочувствие той или другой стороне.

Левые, уложив свитки в сандаловые ларцы, поместили их на столики из сапанового дерева, стоявшие на подстилках из лиловой китайской парчи и покрытые китайским сиреневым шелком, затканым узорами. Им прислуживали шесть девочек-служанок в красных платьях и накидках кадзами¹⁷ цвета «вишня». Нижние одеяния у них были алые или же цвета «глициния»¹⁸ с узорами. Девочки привлекали внимание необычайной миловидностью и изяществом манер.

У правых ларцы из аквилярии стояли на столиках из того же дерева, только более светлого. Столики были покрыты желтовато-зеленой корейской парчой. Форма ножек и обвивающиеся вокруг них шнуры отвечали последним требованиям моды. Девочки-служанки были облачены в зеленые платья, кадзами цвета «ива»¹⁹ и нижние одеяния цвета «керрия». Внеся ларцы со свитками, они поставили их перед Государем. Дамы из Высочайших покоев, разделившись на две группы, различающиеся цветом платья, разместились перед Государем и позади него. Особые приглашения были посланы министру Двора и Гон-тюнагону. Пришел и принц Соти, который пользовался в мире славой истинного ценителя прекрасного и был к тому же страстным любителем живописи. Скорее всего дело не обошлось без тайного вмешательства Гэндзи, ибо, хотя принцу не было послано официального приглашения, Государь устно изъявил желание видеть его в этот день во Дворце. Придя в Высочайшие покои, принц Соти принял на себя обязанности судьи, – такова была воля Государя. Однако отдать предпочтение чему-то одному оказалось не столь уж и просто, ибо взорам собравшихся предстали произведения поистине замечательные, лучшее из того, что когда-либо было создано кистью.

Взять хотя бы уже упоминавшиеся свитки с празднествами четырех времен года. Выбирая наиболее достойные внимания сцены, старые мастера запечатлели их с непревзойденной легкостью и свободой. Казалось, что прекраснее ничего и быть не может. Однако живопись на бумаге²⁰, представленная другой стороной, имела свои преимущества. Поскольку на сравнительно небольшом бумажном листе трудно передать в полной мере необозримость гор и вод, современный художник старается произвести впечатление прежде всего изощренностью, ловкостью кисти и необычностью взгляда на мир. Поэтому, отличаясь некоторой поверхностностью, новая живопись в целом не уступает старой, а по яркости и занимательности иногда даже превосходит ее. Надобно ли сказывать, сколь много заслуживающих внимания доводов приводилось в тот день и с той, и с другой стороны?

Государыня наблюдала за происходящим, отодвинув перегородку Зала для утренних трапез. Воодушевленный ее присутствием – ибо он был весьма высокого мнения о ее познаниях в этой области, – министр Двора довольно часто, особенно когда суждение о тех или иных произведениях не удовлетворяло его, вставлял свои собственные замечания, неизменно оказывавшиеся чрезвычайно тонкими.

¹⁷ *Кадзами* – одеяние из шелка или тонкой парчи, которую девочки-подростки носили поверх верхнего платья

¹⁸ *Цвет «глициния»* – лицевая сторона сиреневая, подкладка зеленая. Платье цвета «глициния» носилось зимой и летом

¹⁹ *Цвет «ива»* – лицевая сторона белая или желтоватая, подкладка зеленая. Платье цвета «ива» носилось весной или летом

²⁰ *Живопись на бумаге* (каминэ) – имеется в виду живопись на свитках и альбомных листах в отличие от живописи на ширмах и раздвижных перегородках

Настала ночь, а спорящие так и не пришли к единому мнению. Но вот наконец левые извлекли последний из оставшихся у них свитков – свиток с видами Сума, и сердце Гон-тюнагона затрепетало.

Правые тоже оставили напоследок свой лучший свиток, но что могло сравниться с замечательным творением Гэндзи, этого удивительного мастера, который, очистив сердце от суетных помышлений, сумел в движения кисти вложить сокровенные движения души? Все, начиная с принца Соти, были растроганы до слез.

Когда Гэндзи был в изгнании, многие печалились и сочувствовали ему, но мог ли кто-нибудь вообразить?.. Только теперь, глядя на свиток, люди словно переносились на пустынный морской берег, проникали в мысли и чувства изгнанника. Кисть Гэндзи с величайшей точностью запечатлела место, где жил он долгие годы: никому не ведомый залив, дикие скалы... Надписи, сделанные китайскими скорописными знаками и каной, перемежались трогательными песнями, которых не найдешь в настоящих суховато-подробных дневниковых записях, – словом, хотелось смотреть и смотреть без конца. Показанные прежде картины были забыты, и внимание растроганных и восхищенных зрителей целиком сосредоточилось на свитке с видами Сума. Все остальное уже не имело значения, и стало ясно, что победа на стороне левых.

Близился рассвет. Министр был чрезвычайно растроган и, когда подали вино, пустился в воспоминания.

– С малых лет питал я пристрастие к китайским наукам, и, как видно, опасаясь, что излишнее рвение скорее повредит мне, Государь сказал: «Разумеется, книжная премудрость весьма почитается в мире, но не потому ли успешное продвижение по стезе наук редко сочетается с долголетием и благополучием? Тебе же высокий ранг обеспечен рождением, ты и так не будешь ни в чем уступать другим. А потому не особенно усердствуй в углублении своих познаний». Наставляя меня подобным образом, он следил за тем, чтобы я в достаточной мере усвоил все основные науки. Меня нельзя было назвать неспособным, но сказать, что я достиг в чем-то совершенства, тоже нельзя. И только с живописью дело обстояло немного иначе. Как ни малы были мои дарования, иногда у меня возникало мучительное, безотчетное желание добиться того, чтобы кисть полностью отвечала движениям души. Неожиданно для самого себя я стал бедным жителем гор и, получив возможность проникнуть в сокровенную суть морских просторов, окружавших меня с четырех сторон, познал все, что только можно было познать. Но далеко не все подвластно кисти, и мне казалось, что я так и не сумел выразить то, что замыслил... К тому же до сих пор у меня не было повода кому-то показывать эти свитки. Боюсь, что и сегодня я поступил опрометчиво и потомки не преминут осудить меня, – говорит он, обращаясь к принцу Соти.

– Никакими знаниями нельзя овладеть вполне, не отдавая учению всех душевных сил. Поскольку на каждой стезе существуют свои наставники и свои способы обучения, постольку все ученики, усваивая те или иные приемы, могут достичь уровня своих учителей. И здесь не имеет значения, стремятся ли они проникать в глубины или предпочитают оставаться на поверхности. Только искусство кисти и игра в «го», как ни странно, требуют от человека в первую очередь особой предрасположенности духа. Даже какой-нибудь неуч может научиться неплохо писать или играть в «го», ежели есть у него к тому способности. Так что же говорить о детях благородных родителей? Среди них еще больше таких, которые, обнаруживая необыкновенные дарования, легко достигают успехов на любом поприще. Покойный Государь с удивительным рачением воспитывал своих детей, внушая им знания, приличные полу каждого. Вас же он любил более других, а потому уделял вашему обучению особое внимание, и, как видно, не зря. «Значение книжных премудростей не подлежит сомнению, – изволил наставлять нас Государь, – но если говорить о прочем, то прежде всего вам следует овладеть искусством игры на китайском кото «кин», а затем освоить продольную флейту, бива и кото «со»«. Остальные придерживались того же мнения, поэтому я всегда считал живопись просто забавой для кисти в

часы досуга. Мог ли я предполагать, что вам удалось достичь такого совершенства? Боюсь, что даже прославленные старые мастера разбегутся кто куда, увидев ваше творение. Ну не дурно ли это? – говорит захмелевший принц Соти, и Гэндзи вдруг так живо вспоминается ушедший Государь, что он не может сдержать слез. Впрочем, не хмель ли тому виною?

На небо выплывает двадцатидневный месяц, и, хотя свет его еще не достиг места, где расположились придворные, все вокруг озаряется чудесным сиянием. Распорядившись, чтобы из Книжного отделения принесли музыкальные инструменты, Государь вручает Гон-тюагону японское кото. Ведь что ни говори, а в игре на кото мало кто может с ним сравниться. Принц Соти берет кото «со», министр – «кин», а бива отдают госпоже Сёсё. Отбивать такт поручают придворным, обладающим превосходным чувством ритма. Получается великолепно!

Постепенно светлеет, вот уже различимы оттенки цветов в саду, фигуры людей... Светло и чисто поют птицы. Наступает прекрасное утро. Гости получают дары от Государыни. Принцу Соти Государь сверх того жалует полный парадный наряд.

В те времена в мире только и говорили что об этом сопоставлении картин.

Свиток с видами залива министр распорядился передать Государыне. Разумеется, ей хотелось увидеть и все остальные свитки, привезенные из Сума, но Гэндзи ограничился обещанием, что со временем... Он был очень рад, что сумел доставить удовольствие Государю.

Видя, что министр Двора не упускает случая оказать покровительство бывшей жрице, Гон-тюагон забеспокоился, опасаясь, как бы дочь его не лишилась высочайшего расположения. Но, тайком наблюдая за ней, убедился, что чувства Государя не переменились и он питает к ней прежнюю доверенность. Это позволяло Гон-тюагону надеяться на будущее.

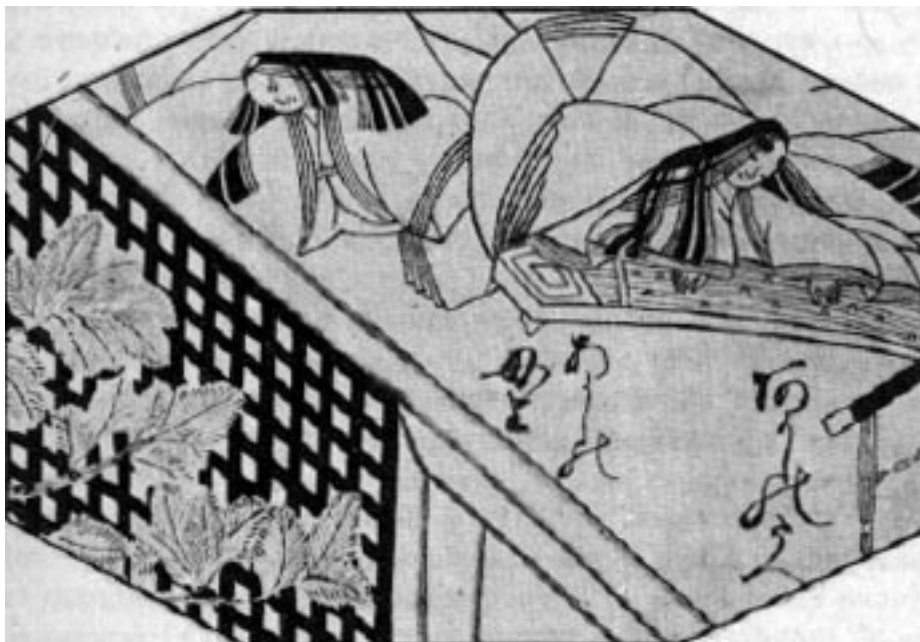
Гэндзи всегда старался изыскивать разнообразные средства для того, чтобы придать новый блеск обычным празднествам и церемониям. Ему хотелось, чтобы потомки говорили: «Этому начало было положено при таком-то Государе». Неудивительно поэтому, что он уделял особенное внимание подготовке столь, казалось бы, незначительных, неофициальных увеселений. Это был воистину блестящий век.

Сам же Гэндзи по-прежнему сетовал на непостоянство мира и, искренне желая удалиться от него, лишь ждал: «Вот повзрослеет Государь...»

«Люди, выделяющиеся своими талантами и уже в молодые годы достигшие высоких чинов и званий, ненадолго задерживаются в этом мире. Древние времена дают немало тому примеров, – думал Гэндзи. – Слишком велики почести, которыми осыпают меня теперь. Боюсь, что, когда б не горести и не лишения, на время прервавшие мое благополучное существование, мне не удалось бы дожить до сего дня... Легко может статься, что дальнейшее возвышение будет стоить мне жизни. Поэтому лучше всего, отказавшись от света, заключиться в монастырь и посвятить себя заботам о грядущем. Быть может, это и продлит мой нынешний век...»

Подыскав тихое место в горах, Гэндзи велел построить там молельню и собрать в ней изображения будд и священные сутры. Однако сразу же отказаться от мира он не мог, и прежде всего из-за детей, которым должно было дать достойное воспитание. Так что трудно было проникнуть в его истинные намерения.

Ветер в соснах

Основные персонажи

Министр Двора (Гэндзи), 31 год

Дама из Сада, где опадают цветы (Ханатирусато), – возлюбленная Гэндзи

Особа из Акаси (госпожа Акаси), 22 года, – возлюбленная Гэндзи, дочь Вступившего на Путь из Акаси

Корэмицу – приближенный Гэндзи

Девочка, 3 года, – дочь Гэндзи и госпожи Акаси

Югэи-но дзё (Укон-но дзо-но куроно) – приближенный Гэндзи, сын правителя Хитати (Иё-но сукэ)

Госпожа из Западного флигеля (Мурасаки), 23 года, – супруга Гэндзи

Строительство Восточной усадьбы было завершено, и Гэндзи поселил там особу, известную под именем Ханатирусато, дама из Сада, где опадают цветы. В Западном флигеле и примыкающих к нему галереях были должным образом размещены необходимые службы и домашняя управа. Восточный флигель предназначался для особы из Акаси, а в Северном, расширенном нарочно для этой цели, министр Двора намеревался поселить женщин, с которыми когда-то был мимолетно связан и которые имели основания рассчитывать на его покровительство в будущем. Для их удобства флигель был разделен на небольшие уютные покои, заботливо и изящно убранные.

Главный дом Восточной усадьбы Гэндзи пока оставил свободным и, рассчитывая, что сможет иногда жить там сам, распорядился, чтобы его убрали соответствующим образом.

Все это время он поддерживал постоянные сношения с Акаси и недавно снова написал туда, предлагая женщине перебраться в столицу, но она по-прежнему терзалась сомнениями, сетуя на незначительность своего положения в мире.

«Я слышала, что легче вовсе не видеть его, чем жить рядом, страдая от его холодности, – думала она. – Причем так говорили, имея в виду дам самого высокого происхождения. На что же надеяться мне, если, приехав в столицу, я стану одной из женщин, живущих его милостями? Мое низкое состояние ни для кого не останется тайной, и дочери вряд ли удастся смыть с себя это пятно. Скорее всего придется жить в одиночестве, всеми презираемой, довольствуясь случайными его посещениями. Право, что может быть унижительнее?»

Вместе с тем ей слишком трудно было примириться с мыслью, что дочери придется расти в глуши и что она никогда не займет достойного положения. Поэтому ответить Гэндзи решительным отказом женщина не могла.

Родители, признавая справедливость ее сомнений, тоже печалились и вздыхали, так что письмо Гэндзи стало источником новых волнений, хотя, казалось бы...

Между тем Вступивший на Путь вспомнил, что дед его супруги, принц Накацукаса, имел когда-то владения в окрестностях реки Ои¹, которые после его смерти за отсутствием прямого наследника постепенно пришли в запустение. Он решил вызвать человека, которого род на протяжении многих лет неизменно присматривал за поместьем, и побеседовать с ним.

– Окончательно порвав с суетным миром, я поселился в этой глуши и спокойно жил здесь, пока не возникло одно совершенно неожиданное для всех нас обстоятельство, принудившее меня снова искать пристанища в столице, – говорил Вступивший на Путь. – Но, признаться, меня пугает необходимость погрузиться в гущу столичной жизни, полной блеска и суеты. Я слишком долго жил в провинции, и всякий шум претит мне. Потому-то мне и захотелось отыскать какую-нибудь тихую, старую усадьбу. Все расходы я возьму на себя. Нельзя ли так перестроить этот дом, чтобы в нем можно было жить вполне прилично?

– За долгие годы не нашлось никого, кто предъявил бы права на это жилище, и оно постепенно приобрело весьма жалкий вид, – отвечал сторож. – Сам я живу в служебных помещениях, которые мне удалось привести в порядок. Должен вам сказать, что начиная с весны в окрестностях царит небывалое оживление: господин министр Двора строит неподалеку храм. Здание будет, очевидно, внушительным, во всяком случае людей собрано немало. Так что, если вы желаете тишины, это место вам вряд ли подойдет.

– Да нет, почему же? Тем более что по некоторым обстоятельствам мое семейство вправе рассчитывать на покровительство господина министра. Что касается состояния дома, то со временем все наладится. Вас же мне хотелось попросить как можно быстрее подготовить самое необходимое.

– Видите ли, я не являюсь владельцем этих земель, но, поскольку передать их мне было некому, я и жил там все это время в тишине и покое. Дабы луга, поля и прочие уголья не пришли в полное запустение, я распоряжался ими по своему усмотрению, заручившись предварительно разрешением покойного Мимбу-но тау и выплачивая все что полагается, – недовольно скривившись, сказал сторож.

Судя по всему, он испугался за нажитое добро. Нос его покраснел, на безобразном, заросшем волосами лице застыла недоверчивая ухмылка.

– До полей и прочего мне нет дела. Можете распоряжаться ими так же, как распоряжались до сих пор. Разумеется, у меня есть все, какие положено, грамоты на владение этими землями, но, не желая обременять себя мирскими заботами, я до сих пор пренебрегал ими. Надеюсь, что теперь мне удастся наверстать упущенное, – сказал Вступивший на Путь, а поскольку было упомянуто имя министра Двора, сторож забеспокоился и поспешил приступить к перестройке дома, получив на это весьма значительные средства из Акаси.

Гэндзи, ничего не ведавший о замысле старика, недоумевал, не понимая, почему женщина так упорно отказывается переехать в столицу. Он боялся, что имя его дочери окажется

¹ Ои – река в пров. Ямасиро, к западу от столицы, верхнее течение р. Кацура

навсегда связанным с диким побережьем Акаси – обстоятельство, которое могло иметь губительные последствия для ее будущего.

Но тут как раз закончили перестройку дома, и Вступивший на Путь сообщил Гэндзи: «Вот, дескать, вспомнил случайно о существовании такого жилища...»

Разумеется, Гэндзи сразу понял, что мысль о собственном доме возникла не случайно: видимо, женщина боялась затеряться среди прочих дам, живущих под его покровительством. «Что ж, вполне достойное решение», – подумал он и отправил в Ои Корэмицу, неизменного помощника своего в таких делах, поручив ему позаботиться о том, чтобы все было устроено надлежащим образом.

– Место прекрасное, есть даже некоторое сходство с морским побережьем, – доложил Корэмицу, вернувшись, и Гэндзи успокоился: «Что ж, может, это и к лучшему».

Храм, который по его распоряжению строили в горах, чуть южнее Дайкакудзи², производил прекрасное впечатление, а Павильон у водопада³ был не хуже, чем в самом Дайкакудзи.

Усадьба, предназначавшаяся для женщины из Акаси, стояла на берегу реки. Редкой красоты сосны окружали главное здание, строгое и простое, отмеченное особым очарованием сельского жилища. Обо всем, вплоть до внутреннего убранства, позаботился министр.

И вот наконец он тайно отправил в Акаси самых преданных своих слуг.

«Увы, пора...» – вздыхала женщина, понимая, что разлука с Акаси неизбежна. Ей было грустно покидать этот дикий берег, где она прожила столько лет, не хотелось оставлять отца одного. Мысли одна другой тягостнее теснились в ее голове.

«Неужели рождена я для того лишь, чтобы вечно предаваться печали?» – думала она, мучительно завидуя тем, на кого не упала роса его любви.

Могли ли старые родители не радоваться счастью дочери, увидав, сколь пышную свиту прислал за ней Гэндзи? Наконец-то исполнялись их заветные чаяния, и когда б не омрачала радости мысль о близкой разлуке... Вступивший на Путь, в старческой расслабленности пребывая, и днем и ночью повторял: «Неужели никогда больше не увижу нашей малютки?» И кроме этого, от него нельзя было добиться ни слова. С жалостью глядела на него супруга. Они давно уже не жили под одним кровом, и, решись она остаться здесь, в Акаси, ей совершенно не на кого было бы положиться. И все же... Люди, соединенные случайно и не успевшие сказать один другому даже нескольких слов, и те, словно «сроднившись давно» (160), печалятся, когда приходит разлука. Чем же измерить горе супругов, проживших рядом долгие годы? Разумеется, своенравный старик никогда не был для нее надежной опорой, но, примирившись со своей участью, она вовсе не собиралась оставлять его теперь, когда к концу приближался ей отмеренный срок (161), и полагала, что это побережье будет ее последним прибежищем. И вот приходилось расставаться...

Молодые дамы, которым давно уже наскучила здешняя жизнь, радовались отъезду, но иногда взоры их обращались невольно к прекрасной морской глади. «А ведь мы никогда больше не вернемся сюда...» – думали они, и слезы, смешиваясь с брызгами набегающих волн, увлажняли их рукава.

Стояла осень, пора, всегда располагающая к унынию. На рассвете того дня, на который был намечен отъезд, дул прохладный осенний ветер, назойливо звенели насекомые. Женщина сидела, любуясь морем, а Вступивший на Путь, встав сегодня ко второй ночной службе гораздо раньше обыкновенного, читал молитвы, то и дело всхлипывая. Никто не мог сдержать слез, хотя они и считаются в такой день дурным предзнаменованием.

² Дайкакудзи – храм в пров. Ямасиро, в Сага, к западу от столицы. Один из основных храмов последователей учения Сингон

³ Павильон у водопада – одно из храмовых зданий, расположенное у подошвы водопада. Водопад близ храма Дайкакудзи воспет многими поэтами. Во времена Мурасаки он почти иссяк. В настоящее время на его месте стоит камень – знак того, что когда-то здесь был водопад

Девочка была необычайно хороша собой – словно тот самый драгоценный нефрит, излучавший сияние в ночи⁴. До сих пор старик не отпускал ее от себя, да и она успела к нему привязаться. Разумеется, он понимал, что монах не должен питать в своем сердце такие чувства, но, увы, он и часа не мог прожить без нее...

– В миг разлуки молюсь,
Чтобы жизненный путь для тебя
Всегда был удачен.
Но под силу ли старику
Удержаться сегодня от слез?

О, как это дурно! – сказал он, старательно вытирая глаза.

– Вместе с тобой
Покидали когда-то столицу,
А теперь я одна
Возвращаюсь. Придется ли мне
Блуждать по знакомым тропинкам? (162) -

ответила монахиня.

Никто не удивился, увидав, что она плачет. Сколько же долгих лет легло на их плечи с того дня, как обменялись они супружеским обетом!

И вот, имея столь неверный источник надежд, возвращается она в давно покинутый мир. Не тщетно ли? А молодая госпожа сложила:

Впереди – дальний путь.
Не знаю, когда мы с тобою
Встретимся вновь?
Нам неведомы сроки, и все же
В сердце надежда живет...

– Хотя бы проводите нас, – умоляла она, но Вступивший на Путь отказался, объяснив, что разного рода причины мешают ему покинуть Акаси. Вместе с тем он не мог не думать о тяготах предстоящего им пути, и мучительное беспокойство проступало на его лице.

– Жертвуя своим положением при дворе и удаляясь в чужие земли, я надеялся, что именно таким образом мне удастся изыскать средства, необходимые для вашего образования. Получив немало свидетельств своего неудачного предопределения, я отказался от мысли вернуться в столицу, где, разорившись, наверняка примкнул бы к числу так называемых «бывших» наместников и не сумел бы даже восстановить прежний облик нашего бедного дома, сплошь заросшего полынью и хмелем. В конце концов моя жизнь, и частная и общественная, стала бы предметом для насмешек и оскорблений, а память предков моих была бы навечно покрыта позором. К тому же я с самого начала дал понять, что мой переезд в провинцию является лишь первым шагом на пути к полному отказу от всего мирского, и был уверен, что мне удастся пройти по этому пути до конца. Однако, по мере того как вы выросли и начинали проникать в суть явлений этого мира, я все чаще задавал себе вопрос: «Для чего прячу я эту драгоценную парчу в жалком захолустье?» – и душа моя блуждала впотьмах (3), а в голове теснились тре-

⁴ ...драгоценный нефрит, излучавший сияние в ночи. – скорее всего цитата, но источник не установлен

возные думы. Уповая на будд и богов, я молил их об одном – чтобы вы не остались до конца дней своих в бедной горной хижине, куда занесло вас несчастливое предопределение отца.

И даже когда пришла к нам наконец удача, о какой мы и мечтать не смели, я долго терзался сомнениями, ибо яснее, чем когда-либо, понимал, сколь незначительно ваше положение в мире. Но скоро родилось это милое дитя, и, увидав в его рождении еще один знак вашего счастливого предопределения, я решил, что вы ни в коем случае не должны оставаться на этом диком побережье. Я знаю, что вашей дочери предназначена особая участь. Меня приводит в отчаяние мысль, что я никогда больше не увижу ее, но я давно уже полон решимости отказаться от мира, а вы изволите нести в себе свет, который должен его озарить. Видно, такова была ее судьба – попасть ненадолго в эту горную хижину и лишиться покоя души ее обитателя. Что ж, не зря ведь говорят: «Люди, которым предстоит переродиться на небесах, должны на некоторое время вернуться на одну из трех дурных дорог⁵. Вот и мне тоже предстоит пережить боль этой разлуки. Если дойдет до вашего слуха когда-нибудь, что покинул я этот мир, не извольте беспокоиться о поминальных обрядах, да не взволнует вашего сердца эта неизбежная разлука... (26) – решительным тоном сказал старик, но тут же лицо его исказилось от сдерживаемых рыданий. – Может быть, человек, стремящийся очистить сердце от суетных помышлений, не должен так поступать, но отныне и до той ночи, когда дымом вознесусь в небо, я каждый день, во время всех шести служб, стану молиться за наше дитя.

Переезд предполагалось совершить тайно, но разве можно было надеяться, что столь длинная вереница карет останется незамеченной? Отправлять же их поочередно показалось нецелесообразным, поэтому сочли, что лучше всего добираться морем.

В стражу Дракона они тронулись в путь. Ладья удалялась, скрываясь в окутавшем залив утреннем тумане, столь восхитившем когда-то одного из древних поэтов (146), и, по мере того как она исчезала из виду, на сердце у Вступившего на Путь становилось все печальнее. С тоскою вглядывался он в морскую даль, чувствуя, что вряд ли ему удастся теперь полностью отрешиться от суетных мыслей.

Печалилась и старая монахиня, ведь она прожила здесь столько лет, и вот так неожиданно приходится возвращаться в столицу... Слезы струились по ее щекам.

Помышленья благие
Привели к дальнему берегу
Рыбачью ладью.
Но волны снова влекут
Ее в мир, давно позабытый.

А молодая госпожа сказала:

– Здесь у моря не раз
Я за осенью осень встречала.
Так тянулись года.
Неужели на бревнышке жалком
Суждено мне вернуться в столицу?

⁵ Люди, которым предстоит переродиться на небесах, должны на некоторое время вернуться на одну из трех дурных дорог. – В некоторых буддийских трактатах говорится о том, что люди, достаточно добродетельные для того, чтобы переродиться на небесах, прежде чем попасть туда, должны еще раз пройти по одной из трех дурных дорог (ад, страна голодных духов, страна животных). Японские комментаторы ссылаются обычно на «Одзёсю» (сочинение монаха Гэнсина, повествующее о перерождениях и о том, как можно достичь перерождения в Чистой земле, 984 г.)

Ветер дул попутный, и точно в назначенный день они вышли на берег. Не желая привлекать к себе недоброжелательные взгляды, госпожа Акаси позаботилась о том, чтобы и оставшаяся часть пути была совершена как можно более незаметно.

Дом превзошел все ожидания, а как был к тому же похож на тот у моря, в котором провели они столько долгих лет, у путников из Акаси возникло ощущение, что они никуда и не уезжали. Многое волновало их здесь, заставляя возвращаться мыслями к прошлому.

Заново пристроенные галереи придавали дому благородный вид, по прекрасному саду бежали ручьи... Разумеется, кое о каких мелочах предстояло еще позаботиться, но для начала всего было более чем достаточно. Министр Гэндзи поручил одному из самых преданных ему служителей домашней управы проследить за тем, чтобы женщин приняли в доме с подобающей случаю торжественностью.

Только через несколько дней Гэндзи удалось наконец найти подходящий предлог для того, чтобы самому навеститься в Ои. Женщина между тем печалилась еще более прежнего. Она часто вспоминала покинутый дом и, чтобы хоть чем-то занять себя, трогала струны китайского кото, когда-то оставленного ей Гэндзи. Осенняя пора располагала к унынию, и очень часто, не в силах превозмочь тоски, госпожа Акаси уединялась в своих покоях и целиком отдавалась музыке, невольно вздрагивая, когда своенравный ветер в соснах начинал громко вторить пению струн. В такие мгновения даже старая монахиня, целыми днями грустившая в своей опочивальне, поднималась с ложа.

– Новый облик приняв,
Я сюда одна возвратилась.
В этой горной глуши,
Точно так же как в прежние годы,
Ветер в соснах поет, -

говорила она, а молодая госпожа отвечала:

– По родной стороне
Я тоскую, по лицам привычным,
Но может ли здесь
Быть кому-то понятен язык
Моего одинокого кото?

Так в одиночестве коротали они дни и ночи.

Между тем Гэндзи, как это ни странно, тревожился за них еще больше прежнего и наконец решился навестить их, пренебрегая возможными пересудами. Госпоже Мурасаки он не стал пока сообщать никаких подробностей, но, опасаясь, что она услышит обо всем от чужих людей, зашел перед отъездом в Западный флигель:

– Есть у меня дело в Кацура, давно требующее моего участия. Там же поблизости живет женщина, которую я обещал когда-то навестить, и пренебрегать ею неудобно. А поскольку мне предстоит навеститься в храм, строящийся в Сага, чтобы распорядиться относительно незаконченных до сих пор изваяний будд, вернусь я, вероятно, дня через два или три.

«Я слышала, что по его указанию вдруг начали строить какой-то дом, который, кажется, называют Кацура-но ин. Верно, там он ее и поселил», – подумала госпожа и ответила довольно сердито:

– Долго же мне придется ждать. Пожалуй, стоит запастись новым топорищем⁶...

⁶ Пожалуй, стоит запастись новым топорищем... Мурасаки намекает на китайскую легенду: однажды некий дровосек

Вид у нее был чрезвычайно недовольный.

– Вы неисправимы! А ведь все считают, что я неузнаваемо изменился, – говорил Гэндзи, пытаюсь ее успокоить, а солнце тем временем поднималось все выше и выше...

Стараясь не подавать подозрения окружающим, Гэндзи выехал из дома, не взяв с собой никого, кроме самых преданных слуг. Уже спустились сумерки, когда он добрался до места.

Даже самое скромное охотничье платье не могло умалить его поразительной красоты, а в тот день он надел нарочно приготовленное для этого случая носи и был так прекрасен, что женщина забыла все свои горести.

Нетрудно себе представить, как взволновала Гэндзи эта долгожданная встреча, с каким умилением смотрел он на дочь... Ему оставалось лишь сожалеть, что все эти долгие луны и годы росла она вдали от него.

Люди на все лады превозносили миловидность его сына, рожденного ушедшей дочерью нынешнего Великого министра, но, как знать, не потому ли, что принадлежал он к одному из влиятельнейших столичных семейств? Девочка же была действительно прелестна. «Видно, истинная красота проявляется в самом раннем возрасте», – думал Гэндзи, глядя на милое, невинно улыбающееся личико.

Кормилица за время, проведенное в Акаси, пополнела и стала еще красивее. Слушая ее подробный рассказ о жизни на побережье, Гэндзи вздыхал, чувствуя себя виноватым в том, что она принуждена была прожить столько лет возле рыбацких хижин.

– Это жилище тоже слишком далеко от столицы, и мне нелегко будет навещать вас здесь. Почему бы вам не переехать в дом, нарочно для вас приготовленный? – спросил Гэндзи, и госпожа Акаси ответила:

– Я должна немного привыкнуть. Быть может, тогда...

Что ж, по-своему она была права. Они беседовали всю ночь напролет, и немало уверен и клятв услышала она от Гэндзи. Кое-что в доме еще не было приведено в порядок, и он поспешил дать соответствующие указания сторожу и новым служителям домашней управы.

Прослышав о том, что господин министр решил посетить Кацура-но ин, туда стали стекаться окрестные жители, которым удалось в конце концов обнаружить его в Ои. Им он поручил привести в порядок сад.

– Камни в саду повалились, а то и вовсе исчезли. Здесь могло бы быть прекрасно, стоит лишь приложить немного сил и умения. Впрочем, что толку? Ведь не останетесь же вы здесь надолго? К тому же и расставаться с домом будет труднее, если вы успеете привязаться к нему. Так, уж мне-то это хорошо известно.

И Гэндзи снова заговорил о прошлом. Он плакал, смеялся, и все это с такой искренней непринужденностью, что нельзя было не умиляться, на него глядя. Даже старая монахиня, увидев его сквозь щель в перегородке, забыла о своей старости, мрачные мысли ее рассеялись, и лицо осветилось улыбкой. Очевидно, решив лично проследить за тем, чтобы слуги должным образом расчистили ручей, вытекавший из-под восточной галереи, Гэндзи вышел в сад в одном нижнем платье, и, любуясь его изящной фигурой, монахиня восхищалась и радовалась. Тут, заметив сосуд для священной воды, Гэндзи вспомнил и о ней.

– Ведь здесь и госпожа монахиня? Боюсь, что я недостаточно почтителен... – сказал он и, повелев принести носи, надел его. Затем, приблизившись к переносному занавесу, проговорил весьма любезным тоном:

– Я уверен, что именно усердие в молитвах помогло вам вырастить столь прекрасную дочь, и сердце мое полно признательности. Подумать только, вы нашли в себе довольно твердости, чтобы покинуть жилище, где ничто не нарушало чистоты ваших помышлений, и вер-

зашел в пещеру в горах и увидел детей, играющих в «го». Он смотрел на них до тех пор, пока не обнаружил, что у его топора сгнило топорщице. Вернувшись домой, он не застал никого из своих близких – все давно умерли, ибо прошло уже много десятков лет

нуться в суетный мир! Представляю себе, как тяжело теперь почтенному старцу, коротающему дни в одиночестве и устремляющему к вам свои думы!

– О да, возвращение в давно покинутый мир повергло в смятение мои чувства, но, встретив такое понимание, я убедилась, что не зря была мне дарована столь долгая жизнь... – говорила монахиня, плача. – О, какая радость! Теперь я могу не беспокоиться за будущее этого росточка сосны, чья судьба не давала покоя моему сердцу, пока мы жили среди диких скал. Боюсь только, что слишком низко расположены его корни...

Благородные манеры старой монахини возбудили участие в сердце Гэндзи, и он принялся расспрашивать ее о том, каким было это место в те давние годы, когда жил здесь принц Накацукаса. Тем временем ручей привели в порядок, и он зажурчал жалобно, словно тоскуя о минувшем.

Вернувшись сюда,
В этот дом, где жила когда-то,
Робко вокруг
Озираюсь – журчит ручей,
Так, словно он здесь хозяин...

Непритворное смирение, с которым были произнесены эти слова, свидетельствовало об удивительной утонченности и душевном благородстве монахини.

Ни о чем не забыл
Этот ручей прозрачный.
Но за долгие годы
Облик прежней его хозяйки
Стал совершенно иным...

Взволнованный до глубины души, Гэндзи некоторое время стоял, молча глядя на сад, и монахиня подумала, что вряд ли когда-нибудь ей приходилось видеть человека столь совершенного и лицом и статью.

Затем Гэндзи отправился в храм, где прежде всего заказал молебны Фугэну, Амиде и Шакья-Муни, которые положено было проводить на четырнадцатый, пятнадцатый и последний день каждой луны, после чего изволил распорядиться о дополнительных службах. Также позаботился он о внутреннем убранстве храма и о священной утвари.

На небо уже выплыла светлая луна, когда Гэндзи вернулся в Ои. Ему невольно вспомнились былые ночи, и женщина, воспользовавшись случаем, пододвинула к нему то самое китайское кото. Растроганный до слез, Гэндзи заиграл.

Знакомая мелодия живо напомнила им прошлое, словно перенеся их в тот давний вечер.

– Прежний строй сохранив,
Струны кото звучат сегодня
Так же, как прежде,
Поверишь ли ты наконец
В искренность чувств моих? -

говорит Гэндзи, а женщина отвечает:

– В верности вечной
Клялся ты. Этой клятве поверив,

Терпеливо ждала.
И пению ветра в соснах
Вторило старое кото...

Такими песнями они обменялись, и, как видите, госпожа Акаси оказалась вполне достойной собеседницей, проявив куда большее благородство, чем можно было ожидать от особы ее звания. За годы, прошедшие со дня их последней встречи, она стала еще милее, девочка же была так прелестна, что хотелось вовсе не отрывать от нее взора. «Что же с ней делать? Обидно растить ее тайно, никому не сообщая о ее существовании. Разумеется, лучше всего перевезти ее в дом на Второй линии и воспитать самому. Только таким образом удастся, избежав пересудов, создать ей безупречное положение в будущем», – подумал Гэндзи, но, боясь причинить боль женщине, не решился сказать ей об этом открыто и только смотрел на девочку со слезами на глазах.

Она же, мало что понимая, сначала дичилась Гэндзи, но постепенно привыкла, с удовольствием разговаривала с ним, смеялась, карабкалась к нему на колени, живостью своей пленяя его еще больше. Прекрасная это была картина – Гэндзи, сидящий с дочерью на руках. Сразу становилось ясно, что ей предназначено не простое будущее.

На следующий день Гэндзи должен был возвращаться в столицу, а как встал он позже обычного, решили ехать прямо отсюда. Однако множество людей уже ждало его в Капура-но ин, и даже до Ои добрались некоторые придворные, сумевшие каким-то образом разузнать, где он находится. «Какая досада! – говорил Гэндзи, облачаясь в парадное платье. – А я-то полагал, что здесь меня никто не найдет».

Между тем в доме стало шумно, пора было уезжать. Сердце Гэндзи разрывалось от жалости к госпоже Акаси, и он долго медлил у выхода, стараясь тем не менее ничем не обнаружить своего волнения.

Тут появилась кормилица с девочкой на руках. Погладив милое дитя по головке, Гэндзи сказал:

– Вам может показаться, что я считаюсь только со своими желаниями, но, поверьте, я вряд ли смогу жить в разлуке с ней. А что посоветуете вы? Право, «коль окажешься ты далёко...» (163)

– О да, все эти годы, живя далеко, мы вынуждены были мириться с вашим отсутствием, – отвечала кормилица. – Но теперь... Ах, боюсь, что теперь у нас будет еще больше причин для беспокойства.

Девочка тянулась к Гэндзи, словно пытаясь его удержать, и, не решаясь уйти, он сказал:

– Неужели моему сердцу никогда не суждено обрести покоя? Мне тяжело расставаться с ней даже на миг. А где же твоя матушка? Почему она не захотела проститься со мной? Возможно, мне было бы легче...

Кормилица, улыбнувшись, передала его слова госпоже, но та не имела сил даже подняться – в таком смятении были все ее чувства.

«Совсем как знатная дама», – недовольно подумал Гэндзи.

Наконец, вняв увещаниям прислужниц, она вышла к нему. Изящный, благородных очертаний профиль наполовину скрыт занавесом, мягкие, неторопливые движения – право, чем не принцесса крови!

Приподняв полу занавеса, Гэндзи нежно простился с ней, когда же, выходя, обернулся, то увидел, что она глядит ему вслед, с трудом сдерживая слезы.

К тому времени красота Гэндзи достигла полного расцвета, и вряд ли у меня достанет слов... Ежели раньше он был, пожалуй, немного более худощав, чем следовало при сравнительно высоком росте, то теперь фигура его поражала удивительной соразмерностью. Осанка

стала еще величественнее, лицо – нежнее, а движения – изящнее. Впрочем, вполне возможно, что госпожа Акаси была просто слишком пристрастна...

Тем временем появился тот самый Укон-но дзо-но куроно, который был когда-то разжалован, а затем восстановлен в звании. Теперь он прозывался Югэи-но дзё, причем в этом году на него надели шапку придворного. Он неузнаваемо изменился, лицо его сияло довольством. Зайдя в покои, чтобы взять меч господина, он заметил за занавесями знакомую женскую фигуру и многозначительно сказал:

– Я вовсе не забыл прошлого, но следует помнить и о приличиях... Сегодня утром меня разбудил ветер, совсем как там, у моря... Но, увы, мне не с кем было передать даже письмо.

– О, среди этих далеких вершин, над которыми встают грядой восьмислойные облака (164, 165), не менее печально, чем «за тем островом...» (146). Когда же подумаешь: «даже эта сосна...» (166), хочется, чтобы рядом был человек, не забывший тех давних дней, – ответила дама.

Но надо сказать, что этот ответ весьма разочаровал Югэи-но дзё, который рассчитывал совсем на другое – ведь в свое время он имел по отношению к ней вполне определенные намерения. Тем не менее, выходя, он важно сказал:

– Ну что ж, как-нибудь в другой раз....

Господин министр величественной поступью шел к карете, а передовые, суетясь, расчищали перед ним дорогу. Задние места в карете заняли То-но тюдзё и Хёэ-но ками.

– Досадно, что вам удалось раскрыть тайну моего пребывания в этом скромном жилище, – посетовал Гэндзи.

– А мы сокрушались, что, опоздав, не смогли прошлой ночью встретить с вами луну, поэтому сегодня утром и поспешили отыскать в тумане...

– Горы еще не покрылись парчой, зато полевые цветы в полном блеске своей красоты...

– Некоторые придворные, увлекшись соколиной охотой, отстали, и неизвестно, что с ними, – рассказывали ему.

– Что ж, тогда стоит провести еще один день в Кацура-но ин, – решил Гэндзи, и они отправились туда.

Появление неожиданных гостей вызвало сильнейшее волнение среди обитателей Кацура-но ин. Срочно послали за ловцами с бакланами⁷, которые, придя шумной толпой, живо напомнили Гэндзи рыбаков из Акаси. Скоро приехали и юноши, проводившие ночь в лугах, и в свое оправдание поднесли Гэндзи привязанную к ветке хаги маленькую птичку. Чаша с вином много раз обходила пирующих, и они совсем захмелели, а как ехать вдоль реки в таком состоянии показалось опасным, решено было остаться в Кацура-но ин на ночь.

Гости один за другим слагали китайские стихи, а когда на небо выплыла яркая луна, дело дошло и до музыки. Из струнных в наличии имелись лишь бива и японское кото, зато флейтисты подобрались незаурядные. Когда они начали играть соответствующую времени года мелодию, ее подхватил дующий с реки ветер, и она зазвучала особенно пленительно. Луна поднялась высоко, казалось, это ее сияние сообщает всем звукам и предметам небывалую прозрачность и чистоту.

Когда стемнело, появились еще четверо или пятеро придворных. Они приехали прямо из Дворца, ибо, пожелав усладить свой слух музыкой, Государь изволил выразить недоумение по поводу отсутствия министра Двора:

– Сегодня кончается шестидневный пост, и он непременно должен быть во Дворце. Почему же его нет?

⁷ *Ловцы с бакланами.* – В Японии издавна была распространена рыбная ловля с использованием специально обученных бакланов. Баклан ловил рыбу и приносил ее хозяину, сидевшему в лодке

Узнав, что Гэндзи заночевал в Кацура-но ин, он изволил отправить ему письмо. Посланцем стал Куродо-но бэн.

«В селенье далеком
За рекой, приютившей сиянье
Чистой луны,
Тень от кассии лунной
Мир и покой сулит...⁸ (167)

Завидую вам...»

Министр Гэндзи принес Государю свои извинения.

Надобно сказать, что даже во Дворце музыка не звучала так сладостно, как здесь, на берегу реки, и, воздавая ей должное, гости снова и снова передавали друг другу чашу с вином. Не имея с собой ничего, чем можно было бы одарить государевых гонцов, Гэндзи отправил посланного в дом у реки Ои:

– Не найдется ли у вас каких-нибудь пустяков?

И госпожа Акаси тут же прислала все, что сумела найти. Всего получилось два ларца с платьями, а как Куродо-но бэн должен был сразу же возвратиться во Дворец, ему пожаловали полный женский наряд.

Имя твое
Озаряет нас лунным светом,
Селенье в горах,
Но туман над тобой не светлеет
Ни на миг – ни ночью, ни днем... (167)

В песне можно было уловить намек на желание Гэндзи лицезреть Государя в Кацура-но ин.

– «Это селенье...» (167) – произнес Гэндзи, вспомнив остров Авадзи, и в памяти у него невольно всплыли слова Мицунэ, сказавшего когда-то: «Как сегодня близка...» (131).

Глядя на министра, многие плакали от умиления.

– День проходит за днем,
Вновь мы здесь, и луна так близка,
Хоть дотронься рукою...
А ведь это она плыла
Легкой пеной там, над Авадзи?.. (131) -

добавил Гэндзи, и То-но тюдзё ответил:

– В унылых тучах
Затерявшись, исчез ненадолго
Лик светлой луны.
Еще миг – и он снова сияет,
Миру даря покой.

⁸ В селенье далеком... – В стихотворении императора Рэйдзэй, равно как и в ответе Гэндзи, обыгрывается название места Кацура. Известное китайское предание говорит о том, что возле Лунного дворца (обители бессмертных небожителей) растет лунная кассия (кацура), под которой заяц толчет в ступе снадобье бессмертия. Поэтому все стихотворение так или иначе связано с луной

А вот что сказал Удайбэн, человек уже немолодой, когда-то бывший одним из самых близких и преданных приближенных ушедшего Государя:

– Покинув давно
Заоблачную обитель,
Сиянье свое
В каком ущелье теперь
Луна полуночная прячет?

Другие тоже излили свои чувства в песнях, но стоит ли приводить их здесь все до одной?

Судя по всему, министр Гэндзи был в прекрасном расположении духа, и можно было просидеть хоть тысячу лет, слушая его неторопливые рассказы, глядя на его красивое лицо. Так, пожалуй, и у топора успело бы сгнить топорщице... Однако очень скоро Гэндзи сказал:

– Сегодня и в самом деле пора... – И все заспешили, собираясь в обратный путь.

Придворные, получив сообразные званию каждого дары, яркими пятнами мелькали в тумане, словно чудесные цветы вдруг расцвели по берегам пруда. Трудно представить себе более прекрасное зрелище. Среди спутников министра были известные своими талантами военачальники из Личной императорской охраны и выдающиеся музыканты. Некоторые из них, явно недовольные тем, что приходится уезжать, затаили вразнобой: «Этот конь...»⁹, и восхищенные слушатели, снимая с себя платья, накидывали им на плечи – казалось, будто ветер взметнул к небу разноцветную осеннюю парчу.

Наконец они выехали, и до отдаленной усадьбы у реки Ои долго доносились громкие крики передовых, вовлекая опечаленную разлукой госпожу в еще большее уныние. Министр же был огорчен тем, что не сумел даже написать ей на прощание.

Вернувшись домой, Гэндзи немного отдохнул, затем перешел в Западный флигель, дабы рассказать госпоже о своем путешествии в горы.

– Боюсь, что я пробыл там немного дольше, чем обещал вам при расставании. Молодые любители развлечений увязались за мной и вынудили задержаться. Ах, я так устал... – сказал он и лег почивать, будто и не заметив дурного настроения госпожи.

– Стоит ли так мучить себя из-за особы, положение которой несоизмеримо ниже вашего? – говорил он. – Вы должны помнить, что вы – это вы.

Вечером, собираясь во Дворец, Гэндзи, отвернувшись от госпожи, что-то поспешно написал на листке бумаги. «Очевидно, к той самой особе...» – сразу же догадалась она. Краем глаза ей удалось разглядеть, что письмо было полно самых неясных признаний. Прислужницы ее с трудом сдерживали негодование, видя, как господин шептал что-то гонцу, снаряжая его в путь.

Гэндзи предполагал провести эту ночь во Дворце, но, обеспокоенный дурным настроением супруги, вернулся, хотя и довольно поздно. Как раз в это время пришел гонец с ответом из Ои. Не имея возможности скрыть письмо от госпожи, Гэндзи тут же прочел его. А поскольку в нем не было ничего, что могло бы ее уязвить, сказал:

– Можете порвать его или выбросить. В моем возрасте не пристало раскидывать повсюду послания такого рода...

Потом он долго сидел, прислонившись к скамеечке-подлокотнику, и, молча глядя на огонь светильника, с любовью и нежностью вспоминал госпожу Акаси. Развернутое письмо лежало тут же, но госпожа делала вид, будто оно вовсе не интересуется ее.

– Я боюсь за ваши глаза, – улыбнулся министр. – Очень трудно разглядеть что-то, притворяясь, будто не смотришь.

⁹ «Этот конь» («Конокома») – народная песня (см. «Приложение», с. 99)

Его лицо сияло такой красотой, что в покоях словно стало светлее. Приблизившись к госпоже, Гэндзи сказал:

– Когда б вы знали, как прелестно это маленькое существо! Я уверен, что ей уготовано особое будущее. Однако, даже если я открыто признаю эту девочку, воспитать ее будет не так-то просто. Откровенно говоря, я до сих пор не знаю, на что решиться. Постарайтесь поставить себя на мое место и помогите мне найти выход из этого положения. Что мы можем для нее сделать? Не считаете ли вы возможным воспитать ее здесь? Лет ей столько же, сколько было богупьявке¹⁰. Увидав ее невинное личико, я понял, что отказаться от нее не смогу. В ближайшие дни я предполагаю надеть на нее хакама¹¹, и если бы вы согласились взять на себя обязанности Завязывающей шнурки...

– В последние дни вы постоянно что-то скрывали от меня, как будто боялись, что я не способна понять... – улыбаясь, ответила госпожа. – Я же делала вид, будто ничего не замечаю... Ну, конечно, я постараюсь понравиться девочке. Это такой прелестный возраст!

Она очень любила детей и теперь только о том и помышляла, как бы побыстрее забрать девочку к себе и заняться ее воспитанием. Но Гэндзи по-прежнему терзался сомнениями. Стоит ли перевозить дочь в дом на Второй линии? Часто ездить в Ои он не мог. Он бывал там не более чем два раза за луну, в дни, когда в храме, построенном им в Сага, совершались положенные службы. Разумеется, это было лучше, чем встречаться на переправе (168)¹², и женщина вряд ли смела рассчитывать на большее, но все же могла ли она не печалиться?..

¹⁰ *Лет ей столько же, сколько было богупьявке...* – т. е. три года (см. примеч. 10 к гл. «Акаси», кн. 1)

¹¹ *...предполагаю надеть на нее хакама...* – т. е. совершить обряд Надевания хакама (см. «Приложение», с. 73)

¹² *...лучше, чем встречаться на переправе...* – Намек на легенду о Ткачихе и Волопасе (Вега и Альтаир), встречающихся раз в году на мосту через Небесную реку (Млечный Путь)

Тающее облако

Основные персонажи

Министр Двора (Гэндзи), 31-32 года

Госпожа Акаси, 22-23 года, – возлюбленная Гэндзи

Госпожа из Западного флигеля (Мурасаки), 23-24 года, – супруга Гэндзи

Монахиня – мать госпожи Акаси

Обитательница Восточной усадьбы (Ханатирусато) – возлюбленная Гэндзи (см. кн. 1, гл. «Сад, где опадают цветы»)

Великий министр – бывший тесть Гэндзи

Государь (имп. Рэйдзэй) – сын Фудзицубо и Гэндзи (официально сын имп. Кирицубо)

Вступившая на Путь Государыня (Фудзицубо), 36-37 лет

Принц Сикибукё (Момодзono) – отец Асагао, брат имп. Кирицубо

Гон-тюнагон, Дайнагон, Удайсё (То-но тюдзё) – брат Аои, первой жены Гэндзи

Омёбу – прислужница Фудзицубо

Нёго из Сливового павильона, бывшая жрица Исэ (Акиконому), 22-23 года, – дочь Рокудзё-но мясудокоро и принца Дзэмбо, воспитанница Гэндзи

Зимой в доме у реки стало еще тоскливее, и, видя, что женщина совсем приуныла, Гэндзи предлагал снова и снова:

– Решайтесь же наконец. Здесь вам нельзя больше оставаться.

Однако ее по-прежнему одолевали сомнения. Да, «видно в мире так много мест...» (169).

«Недалек тот день, когда он охладет ко мне, и тогда «что смогу я сказать» (170). Увы...»

– Что ж, раз так... Но дочь я не могу оставлять здесь. Надежды, которые я возлагаю на ее будущее, делают совершенно невозможным для нее дальнейшее пребывание в этой глуши. Я рассказал о ней госпоже из Западного флигеля, и она рада будет ее принять. Лучше, если

девочка поживет какое-то время рядом с госпожой и привыкнет к ней. После чего я намереваюсь открыто совершить обряд Надевания хакама.

Слова Гэндзи звучали весьма убедительно, к тому же госпожа Акаси давно уже догадывалась о его намерениях. И все же сердце ее мучительно сжалось.

– Боюсь, что, даже если отныне вы и будете обращаться с ней как с благородной особой, слух о ее происхождении не замедлит распространиться и повредит ей во мнении света, – говорила она. Разумеется, ей не хотелось отпускать дочь.

– Вам нечего бояться, никто не посмеет пренебречь ею. Госпожа из Западного флигеля крайне удручена тем, что у нее до сих пор нет детей. Даже бывшая жрица – а ведь она давно уже не дитя – удостоилась самых нежных ее попечений. Девочка же так мила, что пленит сердце каждого.

Желая склонить женщину на свою сторону, Гэндзи долго рассказывал ей о необыкновенных достоинствах госпожи из Западного флигеля. Еще в юные годы госпожа Акаси краем уха слышала, как люди судачили о Гэндзи, пытаясь угадать, какая женщина станет наконец его избранницей. И вот его попечения целиком сосредоточились на госпоже из Западного флигеля. Одно это говорило о том, что между их судьбами существовала давняя связь. Госпожа из Западного флигеля представлялась ей удивительной красавицей, обладающей всеми возможными добродетелями. «Велико же будет ее негодование, – думала госпожа Акаси, – если рядом с ней вдруг появится столь ничтожная особа, недостойная даже считаться ее соперницей». О нет, за себя она не боялась, но ведь будущее ее малолетней дочери в конечном счете зависело от госпожи из Западного флигеля. А раз так, лучше было и в самом деле отдать девочку теперь, пока она еще мало что разумела. Вот только что случится с ней самой, когда лишится она своей единственной ограды? Ведь и господину министру больше незачем будет приезжать сюда... Терзаемая бесконечными сомнениями, женщина снова и снова сетовала на злосчастную судьбу. Наконец монахиня, особа весьма рассудительная, сказала:

– Ваше поведение неразумно! Я понимаю, как тяжело вам расставаться с дочерью, но мы должны в первую очередь думать о ее благополучии. Ведь речь идет не о малолетней прихоти. Мне кажется, вы должны отдать дочь господину министру и во всем положиться на него. Судьба детей, даже если речь идет о детях самого Государя, в немалой степени зависит от положения их матери. Взять хотя бы господина министра – вряд ли в мире найдется человек, равный ему по достоинствам, и тем не менее он вынужден прислуживать во Дворце, как простой подданный. А все потому, что отец его матери, покойный Дайнагон, оказался немного ниже других рангом и министр имел несчастье быть сыном простой кои. О других людях и говорить нечего. Женщина может быть дочерью принца крови или министра, но, если семья ее матери утратила свое влияние в мире, ей не на что рассчитывать, все станут презирать ее, и даже сам отец будет обращаться с ней хуже, чем с остальными. Положение же вашей дочери тем более незавидно. Ведь если кто-то из благородных дам родит господину министру дочь, вашу никто и взглядом не удостоит. Только то дитя, которое пользуется благосклонным вниманием отца, может рассчитывать на прочное положение в будущем. Возьмите хотя бы церемонию Надевания хакама – как бы мы ни старались, разве удастся нам придать ей должный размах здесь, в горной глуши? Так что доверьте воспитание дочери господину министру, а сами наблюдайте за ней со стороны.

Госпожа Акаси поспешила прибегнуть к советам мудрых людей и к помощи гадалщиков, а поскольку все они единодушно заявили: «Переезд благоприятен для судьбы девочки», ей ничего не оставалось, как смириться. Министр же, уверенный в правильности принятого им решения, не торопил ее, понимая, как трудно ей расставаться с дочерью.

«Как предполагаете вы провести церемонию Надевания хакама?» – написал он ей однажды и получил такой ответ:

«Я хорошо понимаю, что нельзя оставлять девочку на попечение столь ничтожной особы, ибо это может оказать дурное влияние на ее будущее. Но я так боюсь за нее... Не станут ли смеяться над ней те, с кем придется ей жить?»

Это письмо растрогало Гэндзи до слез. Выбрав благоприятный день, он распорядился, чтобы потихоньку подготовили все необходимое для переезда. Как ни печалила госпожу Акаси предстоящая разлука, она утешала себя тем, что только такой ценой можно обеспечить дочери достойное положение.

Тяжело было расставаться и с кормилицей.

– Вот и вы меня покидаете, – говорила госпожа Акаси. – Ваше присутствие скрашивало мое одиночество и помогало рассеять тоску. Как я буду жить, когда у меня не останется и этого утешения?

– Видно, так уж было predetermined, – плача, отвечала кормилица. – Судьба столь неожиданно свела меня с вами, я никогда не забуду, как добры вы были ко мне все эти годы. Мне всегда будет недоставать вас. Не может быть, чтобы мы больше никогда не встретились. О, если б вы знали, в какое отчаяние приводит меня мысль о скорой разлуке! Отныне мне придется жить в совершенно незнакомом месте, среди чужих людей! И хотя я верю, что когда-нибудь.

Так, плача, они коротали дни, и вот настала Двенадцатая луна. Часто шел снег или град, и в Ои с каждым днем становилось тоскливее. «О, за какие прошлые деяния досталась мне столь горестная судьба?» – вздыхала женщина. Целыми днями она только и делала, что наряжала свою маленькую дочь, расчесывала ей волосы...

Однажды утром, когда над головой нависло темное небо и сплошной стеной валил снег, женщина долго сидела, погрузившись в нескончаемые размышления о прошедшем и о грядущем. Сегодня вопреки обыкновению она устроилась у самого порога и задумчиво смотрела на покрытую льдом реку. На ней было несколько мягких белых платьев, надетых одно на другое. Глядя на ее застывшую в печальной неподвижности фигуру, изящно склоненную голову, струящиеся по спине волосы, прислужницы невольно думали, что их госпожа прекраснее любой высокородной особы. Отирая слезы, госпожа Акаси вздыхала:

– Можно себе представить, как тоскливо здесь будет в такую погоду потом...

Снег идет и идет.
Под белым покровом исчезли
Горные тропы.
Стану ждать я, и пусть не успеет
Снег замести следы... -

сказала она, и кормилица, пытаясь утешить ее, ответила, плача:

– Пусть придется искать
Мне тебя в горах Ёсино,
Заваленных снегом,
Сердце отыщет тропу, и снег
Не заметет следы... (171)

Не успел растаять снег, как приехал министр. Он всегда был госпожи Акаси желанным гостем, но сегодня от мысли: «Вот и настала пора...» – у нее больно сжалось сердце. Впрочем, могла ли она кого-то винить? «В конце концов все зависит от меня. Если я откажусь, ее вряд ли увезут насильно. О, как нелепо вышло...» – думала она, но противиться намерениям Гэндзи теперь было более чем легкомысленно, и она постаралась взять себя в руки.

Девочка, нарядно одетая, сидела перед матерью, и, глядя на ее прелестное личико, никто не усомнился бы в том, что ей уготована необычная судьба.

С нынешней весны ей начали отращивать волосы, и теперь, достигнув длины, принятой у монахинь, они блестящей волной падали ей на плечи. Ее глаза, нежные очертания щек были так хороши, что я просто не берусь их описывать.

Гэндзи до самого рассвета не отходил от госпожи Акаси, снова и снова пытаясь ее утешить, ибо хорошо понимал, в какой беспросветный мрак повергает ее необходимость отдать свое дитя в чужие руки.

– О чем мне печалиться? Если вы станете воспитывать ее так, словно происхождение ее не столь уж и ничтожно... – говорила женщина, но невольные слезы навертывались у нее на глазах, и сердце Гэндзи разрывалось от жалости.

Девочка же только и думала о том, как бы побыстрее уехать. Мать сама вынесла ее на галерею и подошла к тому месту, где стояла карета. Нетерпеливое дитя тянуло ее за рукав, милым своим голоском лепеча: «Ну садись же скорее...» Невыносимая боль пронзила сердце женщины.

– Росточку сосны
Еще долго расти-тянуться.
Отсадили его,
И увижу ль когда-нибудь тень
От ветвей, взметнувшихся ввысь? -

Не сумев договорить, она зарыдала, и, понимая, как велико должно быть ее горе, Гэндзи сказал, желая ее утешить:

– От глубоких корней
Взрос этот малый росточек.
Так пусть его век
Будет долог – под стать вековечным
Соснам из Такэкума¹ (172).

Вам следует набраться терпения...

«Увы, он прав», – подумала женщина, тщетно пытаясь успокоиться. Кормилица села в одну карету с весьма изящной особой по прозвищу Сёсё, взяв с собой охранительный меч и священных кукол². Усадив в кареты самых миловидных дам и девочек-служанок, госпожа Акаси отправила их провожать маленькую госпожу. Все время, пока они ехали, Гэндзи, вспоминая, в каком горе оставил он несчастную мать, не мог избавиться от мысли, что обременил свою душу преступлением, за которое ему придется когда-нибудь расплачиваться.

На Вторую линию прибыли уже в сумерках. Когда кареты приблизились к дому, провинциальные дамы были настолько поражены его великолепием, что невольно подумали: а не слишком ли они ничтожны, чтобы жить здесь? Так, никогда еще не видывали они подобной роскоши! Для маленькой госпожи были приготовлены отдельные покои в западной части дома. Нарочно для нее там собрали изящную детскую утварь. Кормилицу же поселили в северной части западной галереи.

¹ Сосны из Такэкума – воспеты в японской поэзии сосны, растущие в местечке Такэкума (пров. Митиноку)

² ...взяв с собой охранительный меч и священных кукол... – Охранительный меч – знак принадлежности ребенка к высочайшему семейству. Куклы «амагацу» имелись в любом доме, где были дети до трех лет. Их шили из шелка и набивали ватой. Считалось, что эти куклы принимают на себя все грозящие ребенку несчастья

По дороге девочка заснула. Она не плакала, когда ее вынесли из кареты, и с удовольствием отведала сладостей в покоях у госпожи, но, озираясь вокруг, постепенно обнаружила, что матери рядом нет, и очень мило сморщилась, собираясь заплакать. Пришлось позвать кормилицу, чтобы она утешила и отвлекла ее.

Представив себе, сколь тоскливо стало теперь в горном жилище, Гэндзи пожалел несчастную мать: «Каково ей там одной?» Но, глядя, как заботливо ухаживает за девочкой госпожа Мурасаки, с удовлетворением подумал о том, что отдал дочь в надежные руки. И все же не переставал сокрушаться: «О, зачем она не родилась здесь? Тогда бы ее ни в чем нельзя было упрекнуть».

Попав в непривычное окружение, девочка первое время дичилась и плакала, но, обладая чрезвычайно ласковым, приветливым нравом, постепенно привязалась к госпоже, которая радовалась: «Что за чудесный подарок я получила!» Не имея других забот, она все время проводила со своей юной питомицей, носила ее на руках, играла с ней. Естественно, что и кормилица быстро привыкла к госпоже. Кроме этой кормилицы наняли еще одну, принадлежавшую к весьма благородному семейству.

Нельзя сказать, чтобы к церемонии Надевания хакама готовились как-то особенно, и все же она прошла с невиданным доселе размахом. Нарочно для этого случая была заказана изящная, миниатюрная утварь, словно предназначенная для игры в куклы. Множество гостей собралось в тот день в доме на Второй линии, но, поскольку здесь и в другое время было весьма многолюдно, это не казалось удивительным. Вот только маленькая госпожа с завязанными на груди шнурками хакама была прелестнее обыкновенного.

Тем временем в далеком Ои госпожа Акаси, бесконечно тоскуя по дочери, корила себя за опрометчивость, чем лишь усугубляла свои страдания. Старая монахиня, словно забыв о том, что говорила прежде, тоже плакала целыми днями, хотя внимание, окружавшее ее внучку в доме министра, должно было радовать ее.

Какими же дарами могли отметить они этот день? Госпожа Акаси ограничилась тем, что отправила необычной расцветки платья для прислуживающих девочке дам, и в первую очередь для кормилицы.

В оставшиеся дни года Гэндзи еще раз тайком наведлся в Ои. Ему не хотелось огорчать госпожу Акаси, а он знал, что, не видя его долго, она непременно станет думать, что сбываются ее худшие предчувствия. Впрочем, он часто писал к ней, хорошо понимая, как тяжело ей жить в этом печальном жилище теперь, когда даже радостные заботы о дочери не скрашивают ее унылого существования. Госпожа из Западного флигеля больше не обижалась. За это прелестное дитя она готова была простить ему многое.

Но вот год сменился новым. Стояли светлые теплые дни, и в жизни Гэндзи не было печалей. В великолепно украшенном доме на Второй линии царило праздничное оживление. Почтенные сановники один за другим подъезжали в каретах, дабы принять участие в торжествах по случаю Седьмого дня. Юноши из знатных семейств были беззаботны и веселы. Остальные, может быть, имели печали на сердце, но лица их сияли довольством и спокойной уверенностью в себе. Таковы были эти воистину благословенные времена.

Особа, поселившаяся в Западном флигеле Восточной усадьбы, жила тихо и безмятежно, ни в чем не испытывая нужды; право, о лучшем она и мечтать не смела. Единственной ее заботой было следить за наружностью и манерами прислуживающих ей дам и девочек-служанок. Словом, она постоянно ощущала преимущество близкого соседства со своим покровителем. Сам же он время от времени навещал ее, но никогда не оставался в ее покоях на ночь. Впрочем, женщина была так кротка и мягкосердечна, что и не думала обижаться. «Видно, таково мое предопределение», – вздыхала она, неизменно оставаясь добродушной и приветливой, поэтому Гэндзи никогда не пренебрегал ею и во всех случаях, когда того требовали приличия, оказывал ей внимание ничуть не меньшее, чем самой госпоже Мурасаки. Очевидно, поэтому люди

охотно шли к ней в услужение, дамы-распорядительницы неумоимо надзирали за порядком, так что во многих отношениях в Восточной усадьбе жилось даже спокойнее и безмятежнее, чем в доме на Второй линии.

Гэндзи ни на миг не забывал о женщине, тоскующей в Ои, и, как только кончилась хлопотливая пора³, собрался ее навестить.

Одевшись особенно тщательно – на нем было носи цвета «вишня», из-под которого виднелось несколько прекрасно подобранных по оттенкам и пропитанных благовониями нижних одеяний, – он зашел попрощаться с госпожой.

Освещенный яркими лучами вечернего солнца, Гэндзи казался прекраснее обыкновенного, и, проводив его взглядом, госпожа почувствовала, как тревожно сжалось ее сердце.

Девочка в простоте душевной цеплялась за подол его платья, не отставая ни на шаг. Видя, что она готова следовать за ним и дальше, Гэндзи остановился и, с умилением на нее глядя, произнес, желая ее утешить: «Завтра утром к тебе я вернусь...»⁴

У выхода на галерею его поджидала госпожа Тюдзё с посланием от госпожи Мурасаки.

– Если твою ладью
В том далеком краю не сумеет
Никто задержать,
Завтра, быть может, вернешься,
Что ж, подожду, посмотрю... -

умело произнесла Тюдзё, а Гэндзи, светло улыбнувшись, ответил:

– Уезжаю теперь,
Чтобы завтра вернуться снова,
Даже если меня
Станут корить за поспешность
Там, в далеком краю...

Девочка, ничего не понимая, беззаботно резвилась, и, любуясь ею, госпожа забывала о своей неприязни к далекой сопернице. «Как же ей, должно быть, тяжело теперь, – думала она, не отрывая взгляда от милой малютки. – Ведь даже я тосковала бы...»

Взяв девочку на руки, она, забавляясь, попыталась всунуть сосок своей прелестной груди в ее ротик – воистину восхитительное зрелище! Дамы, находившиеся с ней рядом, переговаривались:

– Ну не обидно ли?

– Увы, таков мир...

В доме у реки царила тишина, все вокруг – и сад, и убранство покоев – носило на себе отпечаток тонкого вкуса его обитательницы. Само здание, разительно отличавшееся от столичных, привлекало своеобразной красотой, а в женщине было столько благородства, что, встречаясь с ней, Гэндзи каждый раз поражался тому, как трудно, почти невозможно было уловить различие между ней и какой-нибудь высокородной особой. Наружность ее, равно как и манеры, была безупречна, а если учесть, что с годами в ней обнаруживались все новые и новые достоинства... Вместе с тем легко могло стать, что она так и прожила бы свою жизнь в без-

³ ...как только кончилась хлопотливая пора... – Имеется в виду начало года, когда во Дворце проводилось множество праздничных церемоний

⁴ *Завтра утром к тебе я вернусь.* – слова из народной песни «Дева из Сакура» («Сакурабито») (см. «Приложение», с. 100). С этой же песней связаны стихотворения Мурасаки и Гэндзи

вестности, хотя происхождение ее вовсе не было столь уж незначительным. И когда б не чудачества ее отца...

Слишком кратки были их мимолетные встречи, и, возможно, поэтому Гэндзи всегда покидал ее с тяжелым сердцем.

– Увы, наш мир – «не плавучий ли, зыбкий мост сновидений?» (173) – вздохнул он. Придвигая к себе кото «со», Гэндзи, как это часто бывало в таких случаях, вспомнил ту давнюю ночь в Акаси и предложил женщине бива. Она немного поиграла, вторя ему. «Откуда такое мастерство?» – снова восхитился Гэндзи.

Разумеется, он подробно рассказал ей о дочери.

В этом горном жилище было довольно уныло, но Гэндзи почти всегда оставался здесь на ночь и вкушал подаваемое ему дамами немудреное угощение, состоявшее обыкновенно из плодов и риса. Отправляясь сюда, он говорил домашним, что едет в расположенный поблизости храм или усадьбу Кацура-но ин. И, хотя краткость встреч не располагала к особенной близости, он был неизменно внимателен и любезен, явно выделяя госпожу Акаси среди прочих. Одно это говорило о том, сколь необычное место занимала она в его сердце. Убедившись в постоянстве своего покровителя, женщина успокоилась и зажила тихой, размеренной жизнью. Она старалась во всем угождать Гэндзи, была покорна его воле и вместе с тем никогда не унижалась перед ним – одним словом, вела себя так, что он ни в чем не мог ее упрекнуть.

По доходившим до нее слухам госпожа Акаси знала, что даже в присутствии благородных особ Гэндзи никогда не позволяет себе забывать о приличиях и держится крайне церемонно, куда церемоннее, чем в ее доме. «Если я соглашусь войти в число приближенных к нему дам, – думала она, – он еще больше привыкнет ко мне, привыкнув же, охладет, и я стану предметом насмешек и оскорблений». Так рассудив, госпожа Акаси предпочла остаться в отдалении и довольствоваться редкими посещениями Гэндзи.

Несмотря на все сказанное им при расставании, Вступивший на Путь то и дело присылал в столицу гонцов, проявляя немалый интерес к нынешним обстоятельствам жизни дочери. Иногда полученные известия удручали его, иногда радовали, заставляя сознавать, сколь велика оказанная ему честь.

Тем временем скончался Великий министр. Много лет подряд был он опорой мира, и все, начиная с Государя, оплакивали эту утрату. Даже когда совсем ненадолго отходил он от дел, Поднебесная приходила в волнение, а теперь... О да, многие скорбели, вспоминая о нем, и в первую очередь Гэндзи. Помимо горя испытывал он и крайнюю озабоченность, ибо если раньше, перепоручая Великому министру многие дела, имел довольно досуга, то теперь все бремя государственных дел легло на его плечи. Разумеется, Государь был разумен не по годам, и ничто не мешало доверить ему правление миром, однако рядом не оказалось человека, достойного стать Высочайшим попечителем. Поэтому, не зная, кому передать свои обязанности, Гэндзи с сожалением думал о том, что теперь ему будет еще труднее удовлетворить свое давнишнее желание.

В поминальных обрядах он принимал даже более деятельное участие, чем сыновья и внуки ушедшего.

Тот год был ознаменован всяческими несчастьями. Во Дворце стало беспокойно, и у людей рождались самые мрачные предчувствия. Немало происходило воздушных и небесных явлений, приводивших всех в ужас: то луна, солнце и звезды начинали сверкать устрашающим блеском, то на небе возникали какие-то причудливые облака. В сведениях, представляемых Государю различными предсказателями, содержалось много непонятного и зловещего. Один лишь министр Двора догадывался о причинах, и тревожные мысли неотступно преследовали его...

Вступившая на Путь Государыня уже с весны испытывала некоторое недомогание, а поскольку на Третью луну ее состояние резко ухудшилось, решено было провести церемонию Высочайшего посещения.

Когда уходил из мира его отец, Государь по малолетству своему многого не понимал, теперь же такая глубокая скорбь отражалась на лице его, что у Государыни больно сжималось сердце.

– Я давно знала, что вряд ли переживу этот год, – слабым голосом говорила она. – Но поскольку состояние моего здоровья не внушало опасений, не стала заказывать дополнительных молебнов, тем более что, показывая свою осведомленность о сроках собственной жизни, неизбежно навлекла бы на себя попреки и подозрения. Я много раз собиралась навеститься во Дворец, дабы спокойно побеседовать с вами о былых днях, но, к сожалению, мое самочувствие редко бывает достаточно хорошим. И я в унынии влачу дни...

В том году ей исполнилось тридцать семь лет, но казалась она совсем молодой, словно только что приблизилась к расцвету. Глядел на нее Государь, и сердце его разрывалось от жалости и печали. «В нынешнем году ей следовало вести себя особенно осторожно⁵, а я, как ни тревожило меня ее постоянное недомогание, все же не сумел настоять на том, чтобы были приняты чрезвычайные меры...» – сокрушался он и, словно желая наверстать упущенное, заказывал новые и новые молебны.

Весьма обеспокоен был и министр Гэндзи, который до сих пор не придавал особенного значения состоянию Государыни, зная, что в последнее время ей довольно часто нездоровилось.

Время Высочайшего посещения ограничено, и скоро Государь собрался уезжать. Печально было у него на душе. Измученная болями, Государыня почти не могла говорить, в голове же у нее теснились тягостные мысли. «Высоким оказалось мое предопределение, – думала она, – ни одна женщина в мире не была окружена большей славой, но и страданий таких не выпадало на долю никому».

Ее мучения усугублялись полным неведением Государя, которому и не пригрезилось ни разу... Глядя на него, она не могла избавиться от ощущения, что ее душе суждено быть вечно привязанной к этому миру.

Министр, о пользе государства радеющий, скорбел и о том, что один за другим уходят люди, столь необыкновенными достоинствами отмеченные. Имея, кроме того, свои тайные причины для тревоги, он заказывал все молебны, которые только можно было заказать. Желая непременно еще раз поговорить с Государыней о делах давно минувших дней, Гэндзи приблизился к стоящему перед ее ложем занавесу и стал расспрашивать прислужниц о состоянии госпожи. Прислуживали ей самые близкие дамы, и отвечали они весьма обстоятельно.

– Все эти луны госпожа испытывала постоянное недомогание, но ни на миг не забывала о молитвах. Должно быть, именно это и подорвало ее силы...

– В последнее время она отказывается даже от самой легкой пищи, на плоды «кодзи»⁶ и то смотреть не хочет. Похоже, что надеяться больше не на что, – жаловались они, обливаясь слезами.

– Я всегда была искренне признательна вам за то, что, выполняя волю покойного отца, вы неустанно печетесь о благе Государя, и лишь терпеливо ждала случая, чтобы высказать вам свою благодарность. Я очень сожалею, что мне не удалось этого сделать, а теперь...

⁵ В нынешнем году ей следовало вести себя особенно осторожно... – В том году Фудзицубо исполнилось тридцать семь лет, возраст, считавшийся опасным для женщины. В древней Японии существовало поверье, что определенные годы в жизни человека являются особо опасными и грозят ему различными несчастьями. Для мужчин это двадцать пять лет, сорок два года и шестьдесят один год, для женщины – девятнадцать, тридцать три и тридцать семь

⁶ Кодзи – небольшие плоды типа мандаринов

Она говорила совсем тихо, и Гэндзи с трудом разбирал слова. Не имея сил отвечать, он молча плакал, и больно было смотреть на него.

«Нельзя поддаваться слабости!» – спохватился он наконец, подумав, что своим видом может внушить подозрения окружающим, но слишком велико, поистине беспредельно, было его отчаяние. Право, даже если бы он никогда не испытывал по отношению к Государыне ничего, кроме самого обыкновенного дружелюбия, он вряд ли остался бы теперь равнодушным. Но, увы, жизнь неподвластна человеческой воле, и не было средств удержать ее в этом мире.

– Возможности мои не так уж и велики, но я всегда старался делать все, что в моих силах, дабы Государю было на кого опереться. Я еще не успел оправиться от тяжелого удара, каким стала для меня кончина Великого министра. А если и вы... Все мои чувства в смятении, боюсь, что мне тоже недолго осталось жить в этом мире.

Не успел Гэндзи договорить, как ее не стало – словно погас светильник. Право, можно ли описать его горе словами?

Даже среди особ, которые вправе называться благородными, Государыня выделялась истинно всеобъемлющей душевной чуткостью. Бывает так, что люди влиятельные, используя свое положение в мире, невольно становятся причиной несчастий других людей, но Государыню никак нельзя было в том упрекнуть. Напротив, она всегда отказывалась от своих преимуществ, если они могли иметь следствием какие бы то ни было лишения или беды. В мире всегда, начиная с мудрых веков древности, находились люди, стремившиеся превзойти друг друга в роскоши и необычности пожертвований в храмы. Государыня же, не имея к тому склонности, просто предоставляла на храмовые нужды определенную часть унаследованного ею имения, ежегодного жалованья, приношений, доходов с поместий и прочих средств, которыми она располагала. Пожертвования эти свидетельствовали о подлинной глубине ее помышлений. Поэтому даже самые невежественные горные монахи оплакивали ее.

Когда совершались погребальные обряды, стенания стояли по всему миру, и не было никого, кто не предавался бы горю. Придворные облачились в однообразные черные одеяния. Так, последние дни весны редко бывают столь безрадостны.

Глядя ни вишни, цветущие перед домом на Второй линии, Гэндзи вспоминал тог давний праздник цветов.

– «Хоть этой весной...» (174) – прошептал он, ни к кому не обращаясь, и, укрывшись от любопытных взглядов в молельне, проплакал весь день напролет. Верхушки деревьев, растущих на гребне гор, четко вырисовывались в ярких лучах вечернего солнца, над ними тянулись легкие серые облака. Этот пейзаж, прежде ничем не привлекавший бы внимания Гэндзи, сегодня взволновал его до глубины души.

– Над вершиной горы
В лучах заходящего солнца
Тающее облако
Цветом своим напомнило мне
Рукава одеяния скорби...

К сожалению, рядом не оказалось никого, кто мог бы услышать эти слова.

Давно отслужили поминальные молебны, а Государь был по-прежнему безутешен.

Некий монах Содзу начал прислуживать во Дворце еще тогда, когда мать ушедшей Государыни носила звание государыни-супруги. С тех пор и поныне он был неизменным наставником высочайшего семейства в молитвах. Снискав чрезвычайное уважение и доверие покойной Государыни и пользуясь особым благоволением Государя, монах этот не раз в самых затруднительных обстоятельствах обращался по их поручению к богам и буддам и слыл в мире мудрей-

шим старцем. Лет ему было около семидесяти, и последнее время он жил в горах, отдавая дни заботам о грядущем, но ради Государыни решился нарушить свое уединение, и теперь Государь не желал отпускать его от себя. А поскольку и министр уговаривал его вспомнить прошлое и вернуться на службу во Дворец хотя бы на некоторое время, монах согласился, говоря:

– Боюсь, что не под силу мне теперь исправлять должность ночного монаха, но, понимая, сколь велика оказанная мне честь, и помня о милостях ушедшей Государыни...

Однажды в тихий рассветный час, когда те, кто прислуживал Государю ночью, уже разошлись, а другие еще не пришли, монах Содзу, по-стариковски покашливая, беседовал с Государем о различных делах этого мира.

– Есть один предмет, которого я предпочел бы не касаться в разговоре с вами, – сказал он между прочим, – тем более что откровенность в подобных случаях может быть расценена как нечто греховное. Я долго колебался, прежде чем решился заговорить об этом. Однако же, оставив вас в неведении, я обременил бы себя еще более тяжким преступлением⁷, и одна мысль о грозном взоре небес... Вправе ли я уйти из мира, так и не поделившись с вами тем, что давно уже терзает мою душу? Боюсь, что тогда и Будда сочтет меня недостаточно чистым...

Тут голос его прервался, и он замолчал. «О чем это он? – подумал Государь. – Быть может, какая-нибудь обида привязывает его к этому миру? Горько сознавать, что даже почтенный наставник, заслуживший имя мудрейшего старца, не сумел очистить сердце от злобы и мстительности, несовместимых с его званием».

– С малых лет я ничего не скрываю от вас, – сказал Государь, – и предпочел бы, чтобы у вас тоже не было от меня тайн.

– Смею ли я иметь тайны? Я открывал перед вами даже сокровенные пути Истинного слова⁸, столь ревностно охраняемые Буддой. Так мог ли я оставить закрытым собственное сердце? То, о чем я хочу поведать вам, чрезвычайно важно как для прошлого, так и для будущего. Соккрытие этой тайны может иметь последствия куда более губительные, чем ее оглашение, – как для ушедших Государя и Государыни, так и для министра, вершащего ныне дела правления.

Я уже стар и не страшусь немилости. Такова воля Будды, чтобы я рассказал вам все.

О Государь, да будет вам известно, что, имея вас в утробе своей, Государыня томилась от какой-то тайной горести и беспрестанно понуждала меня творить молитвы. И тому были причины. Разумеется, бедный монах не мог знать всего... Когда неожиданные беды обрушились на наш мир и министр, обвиненный безвинно, попал в опалу, Государыня, объятая страхом, призвала меня для новых молитв. Видно, слух о том дошел до министра, и он, в свою очередь, изволил распорядиться о дополнительных молебнах, которые служили все время, пока вы не вззошли на престол. Причиной же тому...

Выслушав обстоятельный рассказ монаха, Государь долго молчал, раздираемый множеством мучительных ощущений. Изумление, ужас, горечь – все перемешалось в его сердце. Решив, что прогневал его своими дерзкими речами, монах хотел было потихоньку удалиться, но Государь остановил его.

– А ведь я мог так никогда и не узнать... Какое страшное наказание ждало бы меня в будущем! Право же, я готов пенять вам скорее за то, что вы до сих пор молчали. Неужели кому-то еще известны эти обстоятельства?

– Об этом не знает никто, кроме меня и госпожи Омёбу. Тем больше было у меня оснований тревожиться, ибо очевидно, что все эти небесные явления, предвещающие недоброе, порождающие в мире тревогу и страх, связаны с тем, о чем я осмелился вам поведать. Ничего

⁷ ...оставив вас в неведении, я обременил бы себя еще более тяжким преступлением... – Монах намекает на то, что по его вине Государь, не исполняя своего сыновнего долга, т. е. не воздавая должные почести отцу своему (Гэндзи), может навлечь на себя наказание

⁸ Сокровенные пути Истинного слова – имеется в виду учение Сингон («Истинное слово»)

подобного не происходило, пока вы были ребенком, не способным проникать в душу вещей. Но стоило вам повзрослеть, как небеса стали открыто высказывать свой гнев. Так, каждому новому поколению суждено расплачиваться за грехи предыдущего. Опасаясь, что вы не сумеете угадать причину обрушившихся на страну бедствий, я решился извлечь из глубин своей памяти эту старую историю, которую старался забыть, – плача, говорил монах. На рассвете он уехал.

«Уж не пригрелось ли мне все это?» – подумал Государь. Услышанное повергло его в сильнейшее замешательство. Он не мог избавиться от тревоги за судьбу ушедшего Государя и одновременно чувствовал себя виноватым перед министром, который прислуживал ему словно простой подданный. Истерзанный мучительными раздумьями, Государь не вышел из опочивальни даже тогда, когда солнце поднялось совсем высоко.

О том немедленно доложили министру Двора, и, встревоженный, он поспешил во Дворец. Однако, завидя его, Государь не сумел сдержать волнения, и слезы заструились у него по щекам. «Видно, все эти дни и ночи оплакивал ушедшую...» – подумал Гэндзи.

В тот день во Дворец принесли весть о недавней кончине принца Сикибукё, и с этим новым ударом Государь утратил последний остаток сил.

Стечение столь горестных обстоятельств вынудило Гэндзи остаться во Дворце. Неторопливо беседуя с ним, Государь сказал между прочим:

– Боюсь, что и мой жизненный срок близится к концу... С недавнего времени меня неотвязно преследуют мрачные мысли, да и здоровье оставляет желать лучшего. Я уже не говорю о бедствиях, потрясающих Поднебесную... До сих пор я молчал, не желая огорчать Государыню, но, признаюсь, я с радостью сменил бы свой нынешний образ жизни на более спокойный.

– Об этом не может быть и речи. Тревожные явления, в мире происходящие, отнюдь не всегда бывают связаны с тем, правильно или неправильно вершатся государственные дела. Даже мудрые века древности нередко ознаменованы были всяческими несчастьями. Достаточно сказать, что в Китае при самых совершенных государях страну потрясали порой неожиданные волнения и смуты. Случалось такое и у нас. А уж тем более не стоит приходить в отчаяние из-за того, что уходят те, чей жизненный срок оказался исчерпанным, ведь человек не вечен.

Гэндзи долго беседовал с Государем, пытаясь рассеять его мрачные мысли, но стоит ли пересказывать все, что он говорил?

Государь, облаченный в более скромное, чем обычно, черное платье, был истинным подобием Гэндзи. Он и прежде, разглядывая себя в зеркале, обращал внимание на это сходство, теперь же после всего услышанного особенно пристально всматривался в лицо министра, испытывая при этом волнение, ранее ему неизвестное.

«Как бы намекнуть ему?» – терзался Государь, но, так и не сумев преодолеть юношеской застенчивости – дело ведь было крайне щекотливое, – продолжал говорить о самых обыкновенных предметах. Вот только голос его звучал как-то особенно ласково. От пронизательного взора министра не укрылась несколько повышенная почтительность, сквозящая в тоне, каким говорил Государь, но, как ни велико было его недоумение, ему и в голову не приходило, что Государь теперь знает все.

У Государя возникло было намерение обратиться за подробностями к Омёбу, но, поразмыслив, он счел более правильным даже ей не показывать виду, что ему открылась столь долго и столь тщательно хранимая Государыней тайна, а как бы невзначай завести о том разговор с министром и заодно выяснить, бывали ли такие случаи в прежние времена. Однако обстоятельства не благоприятствовали Государю, и осуществить задуманное не удавалось.

Прочитав великое множество ученых книг, он обнаружил, что история Китая знает немало подобных случаев, как явных, так и тайных. В Японии же, судя по всему, такого еще не бывало, а если даже когда-нибудь и случалось нечто подобное, ревностно оберегаемые тайны никогда не становились достоянием молвы. Немало нашел он примеров тому, какотпрыски

высочайшего семейства, причисленные к роду Минамото и получившие звания советников или министров, по прошествии некоторого времени становились принцами крови, причем иные даже восходили на престол.

Вправе ли он передать свое звание министру под предлогом его необычайной мудрости? Неизъяснимо тяжело было у Государя на сердце, и он совершенно лишился покоя. В конце концов, приняв самостоятельное решение сделать Гэндзи во время Осеннего назначения Великим министром, Государь изволил поделиться с ним своими замыслами, но Гэндзи, пораженный и смущенный, ответил решительным отказом.

– Покойный Государь, благоволивший ко мне более, чем к остальным сыновьям, тем не менее не допускал и мысли о том, чтобы передать мне престол. Могу ли я, воспротивившись его желанию, позволить себе подняться на неподобающую мне высоту? Нет, исполняя его волю, я буду по-прежнему прислуживать высочайшему семейству, а состарившись, уйду на покой и посвящу себя служению Будде.

Видя, что поколебать его решимость не удастся, Государь не мог скрыть огорчения. Он настаивал на своем намерении присвоить Гэндзи звание Великого министра, но тот и это назначение считал преждевременным, поэтому Государю пришлось ограничиться повышением его в ранге и предоставлением ему права въезда на территорию Дворца в запряженной быками карете⁹. Разумеется, все это ни в коей мере не удовлетворило Государя, и он решил пожаловать Гэндзи хотя бы званием принца крови, мико, однако Гэндзи и на этот раз отказался. В самом деле, в настоящее время никто, кроме него, не мог взять на себя обязанности Высочайшего попечителя, а поскольку Гон-тюнагон недавно стал дайнагоном, будучи одновременно произведен в чин удайсё, можно было надеяться, что следующее повышение позволит Гэндзи передать ему дела правления, а самому удалиться на покой. Снова и снова мысли Гэндзи возвращались к Государю, и сочувствие к его тайным страданиям соединялось в его сердце с жалостью к ушедшей Государыне. «Кто же открыл ему эту тайну?» – недоумевал он.

Омёбу была назначена главной хранительницей Высочайшего ларца и переехала во Дворец, где ей выделили покои, сообразные ее новому званию. Гэндзи решил встретиться с ней.

– Может быть, Государыня все-таки открылась Государю? – спросил он, но Омёбу ответила:

– О нет, этого не могло случиться. Покойную Государыню всегда терзал страх, что Государь вдруг проникнет в ее тайну, хотя не менее мучительна была мысль о его неведении, побуждающем к поступкам, которые считаются в мире греховными.

Ее слова живо напомнили Гэндзи о том, как боялась ушедшая Государыня сплетен и пересудов, и сердце его снова защемило от тоски.

Как Гэндзи и предполагал, бывшая жрица, имевшая теперь звание нёго, прекрасно справлялась со своими обязанностями при Государе и сумела заслужить его полное доверие. Обладая безупречной наружностью и прекрасными манерами, она ничем не обманула ожиданий министра, и он окружил ее самыми нежными заботами.

Осенью нёго переехала в дом на Второй линии. Поселив ее в роскошно убранных покоях главного дома, Гэндзи ухаживал за ней, словно настоящий отец.

Однажды шел тихий осенний дождь. Глядя на беспорядочное смешение цветов во влажно поблескивающем саду, Гэндзи долго предавался воспоминаниям, затем, с мокрыми рукавами, прошел в покои нёго.

Облаченный в темно-серое носи, с прикрытыми рукавом четками – под предлогом обрушившихся на страну бедствий он продолжал поститься, – Гэндзи был так прекрасен, что

⁹ ...право въезда на территорию Дворца... – Высшим сановникам разрешалось въезжать на территорию Дворца в карете и доезжать до ворот Кэнрэймон (ведущих в основную часть дворцового комплекса, где находились покои императора и его наложниц)

сколько ни гляди, не нагладишься. Нёго беседовала с ним сама, без посредников, их разделял лишь переносной занавес.

– Вот и осенние цветы распустились все до одного. Как трогательно, что даже в столь несчастном году они не забывают беззаботно расцветать, каждый в свое время... – говорит Гэндзи. Он сидит, прислонившись к столбу, особенно прелестный в лучах вечернего солнца. Дав волю воспоминаниям, Гэндзи рассказывает нёго об ушедших в прошлое днях, о том печальном рассвете, когда так не хотелось ему покидать Священную обитель на равнине... Глубокое волнение отражается на его лице.

Из-за занавеса доносится легкий шорох, позволяющий предположить, что женщина плачет. Уж не потому ли, что только вспомнишь, и сразу?.. (175) Восхищенный пленительной грацией ее движений, Гэндзи – дурно, не правда ли? – сожалеет лишь об одном: что ему так и не удалось увидеть ее лица.

– В беззаботные времена моей юности, – говорит он, – я отличался весьма пылким нравом, доставлявшим мне немало мучений. Много раз терял я голову из-за женщин, которых не имел права любить. Две из них до сих пор владеют моими думами, повергая сердце в бездну уныния.

Первая – ваша ушедшая матушка. До конца своих дней я буду терзаться из-за того, что она покинула этот мир, так и не простив меня. Я нахожу некоторое утешение в заботах о вас, но неугасимый огонь ее ревности тревожит меня и теперь.

Судя по всему, о второй женщине он предпочел умолчать.

– В последнее время стали сбываться мечты, которые лелеял я в те давние годы, когда, лишенный чинов и званий, прозябал в глуши. Взять хотя бы особу, живущую в Восточной усадьбе. Меня всегда мучила ее беспомощность, теперь же я за нее спокоен. Приветливый нрав помог ей не только сохранить мою привязанность, но и снискать расположение окружающих, и ничто не омрачает ныне ее существования. Нельзя сказать, чтобы меня так уж радовала возможность вернуться к столичной жизни и стать попечителем высочайшего семейства. Мне нелегко отказаться от прежних слабостей. Вы и вообразить не можете, какого самоотречения потребовало от меня решение распорядиться вашей участью именно таким образом. Я буду весьма разочарован, ежели не услышу от вас ни единого слова сочувствия.

Но нёго молчит, явно недовольная его словами.

– Что ж, остается только подосадовать... – сетует Гэндзи и переводит разговор на другое.

– О, как желал бы я прожить в покое остаток своих дней, чтобы никакие сожаления не омрачали душу, чтобы, удалившись от мирской суеты, можно было целиком посвятить себя заботам о грядущем. И все же обидно, что после меня не останется ничего, достойного воспоминаний. Есть у меня малолетняя дочь весьма незначительного происхождения, и я с нетерпением жду, пока она вырастет. Боюсь, что вы сочтете мою просьбу слишком дерзкой, но я был бы вам крайне признателен, если бы вы взяли на себя заботы о том, чтобы упрочить ее положение в будущем, открыв таким образом перед моим родом дорогу к процветанию.

В ответ нёго произносит всего несколько слов. Ее робкий, еле слышный голосок кажется Гэндзи таким трогательным, что, окончательно плененный, он остается в ее покоях до вечера.

– Разумеется, отрадно видеть свой род процветающим, но есть у меня и другое желание: я хотел бы жить, ничем не ограничивая своей свободы, созерцая, как сменяют друг друга времена года, как расцветают цветы – каждый в свой срок, как краснеют листья на деревьях, как меняется облик неба... Люди всегда спорили о том, что лучше – весенние рощи или осенние луга, но так и не удалось им прийти к единому мнению. К примеру, в Китае говорят, что нет ничего прекраснее парчи из весенних цветов. А в песнях Ямато отдается предпочтение очарованию осенней поры... (176). Любуешься одним временем года, потом другим, каждое по-своему прекрасно, и поистине трудно сказать, какие цветы прелестнее, какие птицы голосистее. Я хотел бы в своем скромном саду посадить весенние цветущие деревья и осенние травы,

поселить там насекомых, впустую звенящих в пустынных лугах, чтобы всякий мог в полной мере насладиться очарованием, присущим тому или иному времени года. Но я еще не знаю, какому из них отдаете предпочтение вы? – спрашивает Гэндзи, и хотя ответить на такой вопрос нелегко, оставлять его без ответа тем более недопустимо, и нёго отвечает:

– Если даже вам трудно сделать выбор... Да и в самом деле невозможно сказать, что лучше... И все же «ничто не волнует меня так, как эти осенние ночи» (177). Быть может, потому, что сверкающая в саду роса напоминает о безвременно ушедшей...

Нарочитая неясность и незаконченность ее ответа приводят Гэндзи в восхищение, и, не сумев превозмочь сердечного волнения, он произносит:

– Можешь ли ты
На мои откликнуться чувства?
Пусть не знает никто,
Но этот осенний ветер
И я мое сердце проник.

Увы, порой я просто не в силах сдерживаться...

Что тут ответишь? Него предпочитает сделать вид, будто ни о чем не догадывается.

Можно предположить, что на этот раз Гэндзи не удалось сохранить обычной невозмутимости и нёго услышала от него немало упреков. Судя по всему, он готов был пойти и дальше по этому опасному пути, но довольно быстро опомнился, уразумев, в какое затруднительное положение ставит женщину. Да и позволительно ли в его возрасте вести себя столь безрассудно? Гэндзи сидел, вздыхая, но, как ни трогателен он был в своей печали, ему так и не удалось смягчить сердце нёго.

Заметив, что она собирается потихоньку удалиться во внутренние покои, Гэндзи говорит:

– Боюсь, что невольно обидел вас... Но, право, когда б вы обладали истинно чувствительным сердцем... Надеюсь, что вы не лишите меня своей приязни, это было бы слишком жестоко. – С этими словами он выходит.

Женщине был неприятен даже аромат его платья, до сих пор витавший в покоях. Опустив решетку, дамы зашептались:

– Ах, как благоухает сиденье! Воистину, неизъяснимый аромат!

– О да, господин министр – само совершенство. Вот уж действительно заставили цветы вишни распуститься на ветках ивы (178).

– Так, и все же не к добру...

Гэндзи перешел в Западный флигель, но, прежде чем войти в покои, долго лежал на галерее, погруженный в глубокую задумчивость. Приказав повесить светильник подальше, он призвал к себе дам, чтобы развлекали его, рассказывая разные истории.

Гэндзи не мог не понимать, что сердце его до сих пор во власти безрассудных страстей. «В мои годы это недопустимо, – думал он. – Разумеется, прежде я вел себя еще неосторожнее и легко впадал в заблуждения, но то были ошибки неразумной юности, будды и боги, должно быть, простили меня. Теперь я, несомненно, стал рассудительнее и научился проявлять самообладание, ранее мне несвойственное». Эта мысль принесла ему некоторое облегчение.

Оставшись одна, него с мучительным стыдом вспоминала свой ответ Гэндзи. «К чему это высокопарное признание в любви к осени?» – раскаивалась она и, не умея отвлечься от этих мыслей, в конце концов почувствовала себя совсем больной. Гэндзи, встревоженный состоянием него, то и дело заходил ее навестить, причем не выказывал при этом никаких других чувств, кроме родительской нежности, правда, быть может, несколько чрезмерной.

– Предпочтение, оказываемое госпожой нёго осени, весьма трогательно, – как-то сказал он госпоже из Западного флигеля, – но не менее понятна и ваша любовь к весенним рассве-

там. Как бы мне хотелось жить, в полной мере наслаждаясь преимуществами каждого времени года, самыми утонченными увеселениями отмечая цветение разных деревьев и трав. Но, увы, государственные и иные дела оставляют мне слишком мало досуга. А уж о том, чтобы удовлетворить давнее свое желание, я могу лишь мечтать. Впрочем, при мысли о том, как вам будет одиноко...

Гэндзи ни на миг не забывал об обитательнице далекой горной усадьбы, но высокое положение, которое он занимал при дворе, не позволяло ему часто навещать ее. Женщине между тем казалось, что она познала сполна всю безотрадность мира, хотя вряд ли у нее были к тому основания... Она по-прежнему отказывалась переезжать в столицу, боясь затеряться среди остальных дам, и Гэндзи, не одобряя этой чрезмерной, по его мнению, неуступчивости и вместе с тем жалея госпожу Акаси, снова поехал в Ои под предлогом очередного молебна.

Жизнь в горном жилище с каждым днем становилась все более унылой. Даже человек, лишенный всякой чувствительности, наверняка затосковал бы здесь. Так что же говорить о госпоже Акаси? Каждый раз, когда Гэндзи приезжал к ней, она невольно вспоминала о том, сколько горя принес ей этот союз, и, хотя хорошо понимала, что он далеко не случаен, столь редкие встречи скорее печалили ее, нежели радовали, и Гэндзи не всегда удавалось рассеять ее тоску.

Сквозь густые заросли мерцают фонари, напоминая снующих над ручьями светлячков.

– Человек, не привыкший к такой жизни, не уставал бы изумляться, – замечает Гэндзи.

– Фонари над водой...
Глядя на них, вспоминаю
Морские огни.
Но не лады ли рыбацьи
Занесло к нам случайной волной?

Да, все та же печаль... – говорит женщина, а Гэндзи отвечает:

– Не зная о том,
Какие глубины скрывает
Водная гладь,
Тревожно в волнах качаются
Отраженья ночных фонарей... (179)

«Из-за кого?..» (180) – в свою очередь, пеняет он ей.

В те дни жизнь Гэндзи текла спокойно и неторопливо. Отдавая много времени служению Будде, он бывал в доме у реки куда чаще прежнего, и скорее всего женщине удалось в конце концов отвлечься от горестных мыслей.

Утренний лик

Основные персонажи

Министр Двора (Гэндзи), 32 года

Жрица Камо (Асагао) – дочь принца Момодзоно

Пятая принцесса – сестра имп. Кирицубо и принца Момодзоно

Госпожа из Западного флигеля (Мурасаки) – супруга Гэндзи

Гэн-найси-но сукэ, 71-72 года, – бывшая придворная дама имп. Кирицубо (см. кн. 1, гл. «Праздник алых листьев»)

Облачившись в одеяние скорби¹, жрица Камо принуждена была покинуть священную обитель. Министр, никогда не забывавший тех, к кому в прежние времена устремлялись его думы, довольно часто писал к ней, выражая свои соболезнования. Но, к великой его досаде, жрица отвечала более чем кратко, ибо память о прежних страданиях еще не изгладилась из ее сердца.

Узнав, что на Девятую луну жрица переехала во дворец Момодзоно, Гэндзи отправился туда якобы для того, чтобы навестить жившую там теперь Пятую принцессу. Эту принцессу, равно как и бывшую жрицу, ушедший Государь жаловал особой благосклонностью, и, помня об этом, Гэндзи не упускал случая выказать ей свое расположение.

Принцесса и жрица занимали соответственно западную и восточную части главного дома. Несмотря на то что со дня кончины принца прошло совсем немного времени, покои были запущены, повсюду стояла щемящая душу тишина.

¹ *Облачившись в одеяние скорби.* – Скончался отец жрицы Камо, принц Сикибукё (Момодзоно), траур же был несовместим с пребыванием в синтоистском святилище

Приняв Гэндзи на своей половине, принцесса удостоила его беседы. Она очень постарела за последнее время, ее постоянно мучил кашель. Супруга ушедшего Великого министра приходилась ей старшей сестрой, но сходства меж ними не было. В то время как первая в свои весьма преклонные годы сумела сохранить завидную молодость, вторая, напротив, казалась дряхлой старухой. Голос у нее охрип, а тело высохло. Впрочем, ведь и жизнь ее сложилась совершенно иначе...

– С тех пор как покинул мир ваш отец, я чувствую себя совсем одинокой. Сгибаясь под бременем лет, уныло влачу дни, и глаза мои почти не высыхают. А теперь и принц Сикибукё оставил меня. Постепенно я перестаю понимать, жива я сама или уж нет? Но ваше милостивое посещение, несомненно, заставит меня забыть все печали... – говорит принцесса.

«О, как же она постарела!» – думает Гэндзи и почтительно отвечает:

– Увы, все так внезапно и неузнаваемо изменилось, когда Государь покинул этот мир. Я был обвинен в неизвестных мне самому преступлениях и долго скитался по неведомым землям. Потом меня снова призвали ко двору, но, обремененный множеством обязанностей, я почти не имею досуга, а потому мне остается лишь сожалеть, что до сих пор я не мог прийти к вам и побеседовать о былых днях.

– О да, я не устаю изумляться, видя вокруг все новые и новые проявления непостоянства мира. Только в моей жизни ничто не меняется, и я часто сетую на собственное долголетие. Правда, узнав о вашем возвращении, я невольно подумала, как обидно было бы умереть, не дождавшись этого радостного дня, – говорит Пятая принцесса дрожащим голосом. – За годы, прошедшие со дня нашей последней встречи, вы стали еще красивее, – продолжает она. – Помню, как поразила я, впервые увидев вас ребенком. «Что за чудесный свет озарил наш мир!» – подумалось мне. Вы были, пожалуй, слишком красивы, и, видя вас, я всегда терзалась дурными предчувствиями. Говорят, нынешний Государь очень похож на вас. Может быть, это и так, но я совершенно уверена, что даже ему до вас далеко.

Она долго расхваливала Гэндзи, и он с удивлением подумал: «Можно ли так превозносить человека, да еще в его же присутствии?»

– Ах, что вы, мне слишком долго пришлось прозябать в глуши, и я до сих пор не успел оправиться, – говорит Гэндзи, – Государь же так прекрасен, что, пожалуй, и в древние времена не было ему равных. Так что вы весьма далеки от истины.

– А я уверена, что, будь у меня возможность хоть изредка видеть вас, моя и без того долгая жизнь непременно продлилась бы. Вот и сегодня я забываю о старости, и мир уже не кажется мне таким бесконечно печальным, – отвечает принцесса и снова плачет.

– Как завидую я Третьей принцессе! Ведь узы, вас с ней связавшие, позволяют ей часто видиться с вами... Вот и умерший принц раскаивался... – замечает она, и Гэндзи прислушивается.

– В свое время я был бы несказанно счастлив, если бы мне разрешили заботиться о дочери принца. Но тогда никто меня особенно не жаловал, – обиженно говорит он, и взор его невольно устремляется к той части дома, где живет жрица. Ах, когда б он мог хоть краешком глаза ее увидеть! Представив себе изящную фигуру женщины, задумчиво глядящей на прекрасный увядающий сад, Гэндзи тихонько вздыхает.

– Раз уж я пришел сюда, мне следует навестить и госпожу жрицу, дабы меня потом не обвиняли в нечуткости. – И он по галерее переходит в ее покои.

Уже довольно темно, но сквозь обшитые темно-серой каймой шторы видны неясные очертания черного занавеса. Воздух пропитан тонким ароматом курений, убранство покоев свидетельствует о безукоризненном вкусе их обитательницы.

Столь важную особу нельзя принимать на галерее, и дамы проводят Гэндзи в южные передние покои. Прислужница, которую называют Сэндзи, выйдя к нему, передает послание госпожи.

– Я вижу, вы и теперь собираетесь держать меня за занавесями, – обиженно говорит Гэндзи. – Конечно, не так уж плохо снова почувствовать себя молодым, но я надеялся, что мне позволят наконец войти. Мне казалось, что испытания, выпавшие на мою долю в священные для вас годы, дают мне право рассчитывать на вашу снисходительность.

– Долго жила я словно во сне, но вот проснулась и не в силах уразуметь, что более зыбко – сон или явь? Поэтому мне хотелось бы отложить разговор о ваших испытаниях до более благоприятного времени, – передает бывшая жрица.

«А ведь и в самом деле – уразуметь трудно...» – вздыхает Гэндзи, и мысли его невольно обращаются к прошлому.

– Горестей много
Довелось мне изведать за эти
Луны и годы,
Но надеялся тайно – боги
Явят милость свою...

Какие новые преграды воздвигнете вы между нами? Многое испытал я, многое передумал, и если б вы позволили мне излить хоть малую часть... – настаивал он.

Никогда еще Гэндзи не казался жрице столь пленительным. Он очень возмужал, однако и теперь был, пожалуй, слишком молод для своего сана.

– Внимая твоим
Речам о горестях мира,
Тем самым уже
Нарушаю обет, навлекая
На себя немилость богов... -

передает ему жрица.

– Увы... А ведь все мои былые прегрешения давно развеял бог Синадо²... – молвит Гэндзи, и, право, трудно не восхититься, на него глядя.

– Я слышала, что не всякая жертва приятна богам... (181) -словно невзначай добавляет Сэндзи, но и ей не удастся смягчить сердце жрицы, которая никогда не имела склонности к делам этого мира, а за последние годы стала настоящей затворницей. Не обращая внимания на неодобренные взгляды дам, она и не думает отвечать.

– Недаром говорят: «Ближе к старости – больше обид»³, – разочарованно вздыхает Гэндзи, собираясь уходить. – А ведь я хотел только, чтобы вы вышли и взглянули на мои изменившиеся черты (182). Неужели я не заслужил даже этого?

После ухода гостя дамы долго еще шептались, неумеренно восхваляя его. Глядя на небо, которое всегда в эту пору бывает особенно прекрасным, прислушиваясь к шелесту падающей листвы, они уносились думами в прошлое, таившее в себе столько неповторимого очарования, вспоминали, что занятого или трогательного было сказано министром по тому или иному поводу, и восхищались неподдельной искренностью его чувств.

Рано утром, приказав поднять решетку, Гэндзи долго любовался стелющимся по саду туманом. Кое-где за стебли засохших трав цеплялся выюнок «утренний лик», раскрывший

² Бог Синадо – в древней Японии бог ветра

³ «Ближе к старости – больше обид». – Некоторые японские комментаторы отсылают читателей к Чжуанцзы (конец V – IV в. до н. э.), который говорил: «...от богатства много хлопот, а от старости – поношение» (см.: Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая, М., 1967, с. 190)

несколько последних, чудом сохранившихся бутонов. Сорвав самый поблекший цветок, Гэндзи отослал его жрице.

«Меня неприятно поразило столь откровенное пренебрежение с Вашей стороны. Воображаю, с какой неприязнью Вы смотрели мне вслед! И все же:

Я не в силах забыть,
Как мелькнул перед взором когда-то
«Утренний лик».
Неужели пора расцвета
И для него миновала?

О, как много долгих лет... Остается надеяться лишь на то, что когда-нибудь Ваше сердце смягчится...» – вот что написал он ей.

Рассудив, что госпожа не должна оставлять столь учтивое послание без ответа, если не хочет давать Гэндзи повод жаловаться на ее нечувствительность, дамы приготовили тушечницу и стали требовать, чтобы жрица немедленно написала ответ:

«Осень уходит.
На ограде, туманом окутанной,
Повисли бессильно -
То ли здесь еще, то ли нет -
Вьюнки «утренний лик»...

Ваше сравнение в высшей степени уместно, и рукава мои покрылись росой...» – написала она наконец.

Ничего примечательного в ее письме не было, но Гэндзи долго не мог от него оторваться. Не потому ли, что мягко начертанные тушью знаки казались особенно изысканными на зеленовато-сером фоне?..

Очень часто ценность письма определяется званием человека или изяществом его почерка. На первый взгляд оно может показаться совершенным, но попробуйте подробно пересказать его содержание – наверняка будет от чего поморщиться. Потому-то я и позволяю себе кое-что опускать или добавлять, хотя и понимаю, что это повредит точности повествования.

Гэндзи сознавал, что пылкие послания, какие он писал когда-то в юности, несовместимы с его нынешним положением, однако, вспомнив, что, упорно противясь его желаниям, дочь принца Сикибукё тем не менее никогда не выказывала готовности порвать с ним окончательно, почувствовал, что не в силах смириться, и написал ей длинное письмо.

Уединившись в Восточном флигеле, министр вызвал к себе Сэндзи. Среди прислуживающих жрице дам было немало ветрениц, готовых склониться перед мужчиной и более низкого звания. Естественно, что ради министра они были готовы на все. Однако трудно было ожидать одобрения его искательству со стороны госпожи, которая и в прежние времена держалась от него в отдалении. Теперь же, когда оба они были немолоды и занимали столь высокое положение в мире... Больше всего на свете жрица боялась сплетен, а поскольку она знала, что люди могут осудить ее уже за то, что она отвечает на самые невинные письма Гэндзи о весенних цветах или осенних листьях...

Видя, что за годы их разлуки жрица ничуть не изменилась, Гэндзи и восхищался, и досадовал. Право, она была совсем не похожа на других женщин. Так или иначе, его посещение дворца Момодзоно ни для кого не осталось тайной, и в мире начали поговаривать:

– Похоже, что министр увлечен бывшей жрицей Камо. Да, Пятая принцесса может быть довольна. В самом деле, чем не пара?

Разумеется, слух о том дошел и до госпожи из Западного флигеля. Поначалу она не придала услышанному большого значения. «Будь сердце господина действительно глубоко затронуто, он не стал бы скрывать этого от меня». Но, понаблюдав за супругом некоторое время, заметила его необычную рассеянность и в конце концов встревожилась не на шутку. «Боюсь, что это увлечение значит для него куда больше, чем он старается показать».

Дочь принца Сикибукё по рождению была равна госпоже из Западного флигеля. Она издавна пользовалась доброй славой. Покори она сердце министра, госпожа Мурасаки, несомненно, оказалась бы в незавидном положении. До сих пор она не имела соперниц и привыкла к тому, что попечения супруга целиком сосредоточены на ней одной, поэтому при мысли, что придется уступить место другой женщине, приходила в отчаяние. «Возможно даже, он не разорвет наш союз и не покинет меня совсем, – думала госпожа, – но наверняка станет пренебрегать мною, тем более что я, очевидно, наскучила ему за эти годы». Нетрудно себе представить, в каком она была смятении, но, имея обыкновение ласково бранить супруга по пустякам, она и виду не подавала, когда на сердце у нее было действительно тяжело.

Целыми днями Гэндзи в праздной задумчивости сидел у порога, любясь садом. Он стал чаще бывать во Дворце, а возвращаясь оттуда, писал – якобы деловые – письма, и, глядя на него, госпожа думала: «Видно, не зря люди говорили... Так почему же он даже не намекнет?»

Нынешней зимой были отменены все праздничные богослужения, и в столице царил уныние. Однажды, не зная, чем занять себя, Гэндзи снова решил навестить Пятую принцессу. Он отправился к ней в прекрасный сумеречный час, когда в саду поблескивал снег. Выбрав удобное, мягкое платье, он старательно пропитал его благовониями и долго еще наряжался и прихорашивался. Право, ни одна женщина не сумела бы перед ним устоять.

Перед уходом Гэндзи все-таки зашел проститься с госпожой.

– Пятая принцесса нездорова, и я намереваюсь навестить ее, – говорит он, усаживаясь рядом, но госпожа, даже не посмотрев в его сторону, продолжает заниматься с девочкой. Нетрудно заметить, что она чем-то расстроена.

– Вы так переменялись ко мне за последнее время, – вздыхает Гэндзи. – А ведь, кажется, за мной нет никакой вины. Просто, опасаясь наскучить вам, словно поблекшее от соли платье (183), я стараюсь держаться в отдалении. В чем же вы обвиняете меня на сей раз?

– О, вы совершенно правы! «Привыкать к чему-то опасно...» (184) – роняет госпожа и, отвернувшись от него, ложится.

Гэндзи не хотелось оставлять ее в столь дурном расположении духа, но он уже известил Пятую принцессу, а потому все-таки ушел. А госпожа долго еще лежала, вздыхая: «Право, всякое случается в мире, просто мне не следовало быть столь легковойной...»

Гэндзи все еще носил одеяние скорби, но трудно было представить себе более удачное обрамление для его красоты, чем эти разнообразные, прекрасно сочетающиеся между собой оттенки серого. На фоне сверкающего снега фигура его казалась особенно изящной. Проводив его взглядом, госпожа подумала, что, если он и в самом деле отдалится от нее, она вряд ли сможет это перенести.

Не взяв с собой никого, кроме самых верных передовых, Гэндзи сказал нарочно, чтобы скрыть от дам свои истинные намерения:

– В мои годы трудно ездить куда-нибудь, кроме Дворца, но Пятая принцесса осталась совсем одна. Прежде о ней заботился принц Сикибукё, теперь же она просит меня о поддержке, и я нахожу это вполне естественным, тем более что из простого сочувствия...

Но вряд ли ему удалось убедить дам.

– Слостолюбие – тот досадный порок, от которого господину, как видно, никогда не удастся избавиться, – перешептывались они. – Как бы не вышло неприятностей.

Полагая, что человеку его сана не годится въезжать во дворец Момодзоно с людной северной стороны, Гэндзи, остановившись у величественных западных ворот, выслал вперед одного

из своих приближенных, дабы тот предупредил принцессу. Та уже не ждала его и, всполошившись, велела немедленно открыть ворота. Прибежал замерзший привратник и долго возился с запором. Судя по всему, рядом не было никого, кто мог бы прийти ему на помощь, и он из всех сил дергал скрипящую дверцу, недовольно ворча:

– Замок насквозь проржавел, как тут откроешь...

Гэндзи стало очень жаль его. Как же все мимолетно в мире! Думаешь – вчера, сегодня, а оказывается, прошло уже три года⁴. Но даже если видишь, что жизнь и впредь не сулит тебе ничего, кроме печалей, легко ли покинуть этот временный приют? Так и живешь, отдавая сердце весенним цветам, осенним листьям...

– Не заметил, когда
Заросли ворота полынью.
До самой стрехи
Старый дом снегом завален
И обветшала ограда... -

тихонько, словно про себя произнес Гэндзи.

Наконец ворота открыли, и карета въехала во двор. Принцесса, приняв Гэндзи в своих покоях, как всегда, долго беседовала с ним, бессвязно рассказывая какие-то скучные старые истории, и, слушая ее, Гэндзи с трудом преодолевал сонливость. Да и сама принцесса то и дело зевала.

– Вечерами всегда так клонит ко сну, говорить и то трудно... – пробормотала она наконец, и тут же раздались какие-то странные, никогда им не слышанные звуки – уж не храп ли? Возрадовавшись, Гэндзи собрался было встать и выйти, но тут увидел еще одну согбенную женскую фигуру, которая приближалась к нему, хрипя и покашливая.

– Я должна просить у вас прощения за дерзость, но я надеялась, что вы изволите знать о моем пребывании в этом доме... Впрочем, скорее всего вы давно забыли о моем существовании. А ведь еще ушедший Государь изволил подшучивать надо мной, называя почтенной бабусей... – сказала она, и Гэндзи сразу же узнал ее.

Когда-то он слышал, что особа, которую прежде называли Гэн-найси-но сукэ, приняла постриг и, став послушницей при Пятой принцессе, помогала ей в молитвах, однако у него и в мыслях не было, что она до сих пор жива, и уж тем более никогда не возникало желания ее разыскать. Поэтому изумлению его не было границ.

– Так, те годы давно стали преданием далекой старины. Любое самое смутное воспоминание заставляет меня сожалеть о своем нынешнем одиночестве, и какая же это радость – вновь услышать знакомый голос. Право, вы не позволите себе оставить путника, не имеющего ни родных, ни близких... (185) – говорит Гэндзи, снова усаживаясь.

Вероятно, женщине слишком живо вспомнилось прошлое; во всяком случае, она приняла самую соблазнительную, по ее мнению, позу и произнесла какую-то нелепую двусмысленность, попытавшись придать нежность своему скрипучему голосу, при звуках которого всякий предположил бы, что рот ее сильно скривился набок. Как видно, годы ничуть не переменили ее.

– Ах, где те времена, когда сетовала я на судьбы безотрадность... (186) – произнесла она, повергнув Гэндзи в крайнее замешательство.

Он с трудом сдерживал улыбку, слушая, как она жалуется на «внезапно приблизившуюся» старость, но и не посочувствовать ей было невозможно.

⁴ ...прошло уже три года. – Многие японские комментаторы считают, что здесь ошибка переписчика и на самом деле должно быть «десять лет» (т. е. время, прошедшее после кончины имп. Кирицубо). Правда, есть списки с вариантом «тридцать лет», что может быть истолковано как возраст самого Гэндзи

Многих придворных дам, которые соперничали друг с другом во времена ее юности, давно уже не было в живых, другие, беспечно скитаясь по миру, влачили жалкое существование... Право же, странно устроен мир! Столь горестно короткая жизнь выпала на долю Государыни, а эта женщина, не отличающаяся особыми достоинствами, живет до сих пор, спокойно творя обряды, хотя уже тогда, когда Гэндзи впервые встретился с ней, казалось, что близок крайний срок ее жизни.

Неправильно истолковав причины задумчивости Гэндзи, Гэн-найси-но сукэ воодушевилась и, вспомнив молодость, сказала:

– Лет немало прошло,
Но забыть до сих пор я не в силах
Наши прежние дни
И то, как меня называл ты
«Мать матери моей...» (187)

Неприятно пораженный ее развязностью, Гэндзи ответил:

– Лучше ты подожди,
Пока в мире ином возродишься,
Тогда и узнаешь,
Бывает ли так, чтобы сын
Мать свою забывал?

Весьма надежные узы связывают нас, не правда ли? Как-нибудь мы с вами поговорим об этом более обстоятельно... – С этими словами он вышел.

В западных покоях были опущены только некоторые решетки – видно, жрица все-таки не хотела показаться негостеприимной. На небо выплыла луна, и снег, тонким слоем покрывавший сад, заискрился, придавая холодной ночи неожиданное очарование. Гэндзи вдруг с удивлением вспомнил, что престарелая жеманница и зимняя ночь издавна причисляются людьми к разряду явлений, вызывающих неприятные чувства...⁵

На этот раз Гэндзи держался с необычной для него степенностью.

– Мне было бы достаточно услышать от вас, именно от вас, а «не из уст чужих» (188), всего несколько слов, пусть даже далеко для меня не лестных, и я бы смирился, – настойчиво просил он, но женщина оставалась непреклонной.

«Даже в те давние годы, когда оба мы были молоды и многое нам прощалось, я со всей решительностью отказала ему, несмотря на то что этот союз наверняка пришелся бы по душе покойному отцу. Теперь же, когда миновала пора расцвета, я тем более не могу допустить, чтобы он слышал мой голос», – думала она, и сердце ее не смягчалось, поэтому Гэндзи оставалось только сетовать на ее поистине удивительное жестокосердие. Вместе с тем, боясь показаться неучливой, жрица не принуждала гостя немедленно покинуть ее покои, а церемонно беседовала с ним через прислужницу, чем уязвляла его еще больше.

Постепенно темнело, дул пронизывающий ветер. Гэндзи вдруг сделалось очень грустно, и он сказал, изящно отирая слезы:

– Убеждался не раз

⁵ ...престарелая жеманница и зимняя ночь издавна причисляются. – В древних комментариях к «Повести о Гэндзи» «Какайсё» говорится, что это цитата из «Записок у изголовья» Сэй Сёнагон (конец X в.), но в дошедших до наших дней списках «Записок» такого высказывания нет

В том, сколь сердце твое жестоко.
Но, забыв обо всем,
Позволяю себе терзаться
От новых и новых обид...

«Кого же винить?» (189)

Дамы, как обычно преисполненные сочувствия, передали его слова госпоже.

– Право, к чему
Мне встречаться с тобой, изменяя
Привычкам своим?
И без того известно,
Сколь изменчиво сердце твое...

Не в моем обычае менять раз принятые решения... – ответила она. Разумеется, Гэндзи мог дать волю негодованию и удалиться, на прощание осыпав ее упреками, но в его возрасте это было вряд ли прилично, а потому он сказал, обращаясь к Сэндзи:

– Надеюсь, вы понимаете, сколь охотно станут говорить в мире о моем поражении? Смею ли я рассчитывать?.. Конечно, слишком дерзко требовать, чтобы вы вспомнили о реке Молчанья (68), и все же...

Потом он долго еще тихонько шептался с ней, но о чем?..

– Право, можно ли себе позволять такое? – возмущались дамы. – Надо совсем не иметь сердца, чтобы так обращаться с господином министром. Разве он хоть раз повел себя бесцеремонно или дерзко? Ну не обидно ли?

Жрица и сама прекрасно знала, сколь велики достоинства Гэндзи, и втайне восхищалась им, однако больше всего на свете боялась, как бы он не догадался об этом. «Неужели я унижусь до того, что стану одной из многих, столь безудержно его превозносящих особ? – думала она. – Неужели я позволю ему проникнуть в мои мысли и увидеть, что я готова склониться перед его красотой?» Раз и навсегда запретив себе думать о нежных чувствах, она тем не менее никогда не отказывалась отвечать ему, причем письма ее были неизменно учтивы и приходили прежде, чем могли возникнуть основания для беспокойства. «Мне следует и впредь сообщаться с ним через посредников, как того требуют приличия», – решила жрица. Она предпочла бы вовсе не принимать министра, ибо давно уже намеревалась посвятить себя служению Будде, желая очиститься после долгих лет невольного отчуждения от пути Закона, но столь резкая перемена в их отношениях наверняка привлекла бы всеобщее внимание, сделав имя ее предметом пересудов. Хорошо зная, как люди склонны к злословию, она не доверяла даже прислуживающим ей дамам и, соблюдая величайшую осмотрительность во всех действиях своих, постепенно все больше сосредоточивалась на молитвах.

У бывшей жрицы было немало братьев и сестер, но, к сожалению, не единоутробных. Ни с кем из них она не поддерживала близких отношений, и во дворце Момодзоно с каждым днем становилось все пустыннее. Поэтому, когда столь блистательный вельможа удостоил это жилище своим любезным вниманием, дамы прониклись к нему сочувствием, и казалось, всех их объединяет одно желание.

Вряд ли можно сказать, что сердцем министра владела неодолимая страсть, нет, этого не было, но его уязвляла холодность жрицы, да и не хотелось признавать себя побежденным.

Гэндзи никогда еще не занимал столь высокого положения в мире и не пользовался таким влиянием. За прошедшие годы он многое познал, изведal все оттенки человеческих чувств, и жизненный опыт его стал куда богаче прежнего. Теперь, более чем когда-либо, он не желал ради пустых прихотей подвергать опасности свое доброе имя. Впрочем, оказаться отвергнутым

было едва ли не более предосудительно. Терзаемый мучительными сомнениями, Гэндзи все реже ночевал в доме на Второй линии, и госпожа встревожилась так, что было ей, «увы, не до шуток» (137). Она старательно скрывала свое беспокойство, но иногда, не выдержав, плакала тайком.

– Вам, видимо, нездоровится. Что с вами? – спрашивал Гэндзи, нежно глядя ее волосы. Они были столь прекрасной парой, что так и хотелось, взяв кисть, запечатлеть их фигуры на бумаге.

– Государь по-прежнему безутешен, и я не могу оставить его. После того как скончался Великий министр, рядом со мной нет никого, кому я решился бы передать дела правления. Совершенно не имея досуга, я редко бываю дома, а вы к этому не привыкли. Мне хорошо понятно ваше недовольство, и я сочувствую вам, но, право, не вижу оснований для тревоги. Вы достигли вполне зрелого возраста, можно ли до сих пор проявлять такую нечувствительность, такое неумение читать в сердцах людей? – говорил Гэндзи, отводя упавшие ей на лоб спутанные, влажные пряди, но она все отворачивалась от него и не отвечала.

– До сих пор словно дитя малое! Откуда это в вас? – недоумевал он, вздыхая. – Право, все так шатко и непродолжительно в этом мире, стоит ли понапрасну огорчать друг друга? Боюсь, уж не истолковали ли вы превратно мои совершенно невинные письма к бывшей жрице Камо? Если так, то ваши подозрения весьма далеки от истины. Когда-нибудь вы и сами поймете. Жрица всегда была затворницей. Иногда просто так, от нечего делать, я пытался смутить ее покой шутивными посланиями, а поскольку жизнь ее довольно скучна, она время от времени отвечала мне. Ничего большего меж нами не было. Поэтому мне и в голову не приходило рассказывать вам об этом, да и не было оснований взывать к вашему сочувствию. Поймите же, у вас нет причин...

Целый день Гэндзи провел во флигеле, утешая госпожу.

К вечеру в воздухе снова закружились снежные хлопья. Снег, шедший уже много дней подряд припорошил ветки сосны, листья бамбука, и они поражали необычностью очертаний. В этот прекрасный вечерний час лицо Гэндзи сияло поистине ослепительной красотой.

– Люди чаще всего отдают предпочтение весне с ее цветами или осени с ее багряными листьями, – говорит Гэндзи. – А чем хуже зимняя ночь, когда искрится снег, залитый чистым лунным светом, и причудливый, лишенный красок пейзаж так странно волнует сердце? Невольно уносишься мыслями к иным мирам, и вряд ли бывают мгновения прекраснее и трогательнее. Надо быть лишенным всякой чувствительности, чтобы причислять зимнюю ночь к тому, «что наводит уныние». – И Гэндзи велит поднять занавеси.

Сад до самого дальнего уголка озарен лунным сиянием, ничто не нарушает его белизны. Засохшие кусты и травы вызывают невольную жалость, ручки словно захлебываются от рыданий, и что-то неизъяснимо жуткое чудится в скованной льдом глади пруда... Послав в сад девочек-служанок, Гэндзи велит им катать снежные шары. Лунный свет сообщает особое очарование их изящным фигуркам. Особенно милы девочки постарше в небрежно наброшенных акомэ, со слабо завязанными поясами. Их длинные волосы стелются по земле и, отчетливо вырисовываясь на белом снегу, кажутся еще чернее.

Младшие, развеселившись, бегают по саду. Забыв обо всем, они побросали веера, и их открытые лица прелестны. Наиболее тщеславные, задавшись целью превзойти остальных, скатали такой большой шар, что не могут сдвинуть его с места. Растерявшись, они стоят вокруг, а другие, выйдя к краю восточной галереи, безжалостно смеются над ними.

– Помнится мне, как однажды перед покоями ушедшей Государыни слепили настоящую снежную гору. Ничего, казалось бы, особенного, но присутствие Государыни придавало значительность самым ничтожным забавам. О да, я никогда не перестану оплакивать эту утрату. Государыня славилась своей осторожностью, и я не могу сказать, что хорошо ее знал, но в ту пору, когда жила она во Дворце, я неизменно пользовался ее доверием. Впрочем, я и сам во

всем полагался на нее и не раз прибегал к ее помощи. Она не была тщеславна и никогда не старалась казаться умнее других, но мне не приходилось раскаиваться, когда я следовал ее советам, ибо она умела наилучшим образом улаживать самые пустяковые дела, не говоря уже о чем-то значительном. Право, есть ли в мире женщина, подобная ей? Она была мягкосердечна и даже застенчива, но обладала таким душевным благородством, что сравняться с ней не было никакой возможности. Вы выросли от одного с ней корня и похожи на нее более, чем кто бы то ни было, и все же даже у вас есть некоторые неприятные черты, например неуступчивость, которая всегда огорчает меня.

Бывшая жрица Камо совсем другая. Иногда просто так, от скуки, чтобы хоть чем-то заполнить часы досуга, мы обмениваемся с ней письмами. Она так умна, что способна и меня поставить в тупик. Да, одна она и осталась...

– А мне кажется, что нет никого умнее и тоньше госпожи Найси-но ками, – замечает госпожа Мурасаки. – Я всегда полагала, что уж ее-то никто не сможет упрекнуть в легкомыслии, и то, что случилось, поистине достойно удивления.

– Вы совершенно правы. Если говорить о женщинах изящных, миловидных, она заслуживает упоминания в первую очередь. Я всегда думаю о ней с сожалением и раскаянием. Воображаю, какие угрызения совести испытывают большинство искателей приключений, вспоминая о собственной юности, если даже я, который по сравнению с другими был истинным образцом благонравия... – говорит Гэндзи, и слезы навертываются ему на глаза, когда вспоминает он о несчастной судьбе Найси-но ками.

– Есть еще обительница горной усадьбы, которой вы пренебрегаете, считая ее недостойной вашего внимания. А ведь она куда тоньше, чем можно было бы ожидать от женщины ее звания. К сожалению, низкое происхождение определяет ее место среди прочих. Например, свойственная ей церемонность воспринимается мною скорее как недостаток, чем как достоинство. До сих пор мне не приходилось встречать женщин, в которых не было бы вовсе ничего привлекательного. Но, очевидно, не менее трудно найти такую, которая была бы средоточием всех мыслимых совершенств.

Весьма трогательна своим постоянством особа, живущая в Восточной усадьбе. Другой такой, пожалуй, не найдешь. Когда-то, много лет назад, она пленила меня своим незлобивым нравом и с тех пор совершенно не изменилась, все так же кротка и застенчива. Я испытываю к ней глубокое сочувствие, и вряд ли мы когда-нибудь расстанемся.

За разговорами о былом и настоящем они не заметили, как спустилась ночь. Ярko светила луна, вокруг было тихо и прекрасно...

– Быстрый ручей
Скован льдом и не может привольно
Бежать меж камней.
Луна же вершит и теперь
Неизменный свой путь в небесах, -

сказала госпожа. Чуть склонив голову, она любовалась садом, и не было на свете женщины прекраснее. Мог ли Гэндзи помышлять о другой, имея ее рядом? К тому же она была так похожа на ту, что столько лег владела его думами. Гэндзи глядел на ее лицо, волосы, и сердце его грустно сжималось. Тут раздались голоса уток-мандаринок⁶, и он сказал:

– В этой снежной ночи
Мы грустим, вспоминая о прошлом,

⁶ Уточки-мандарины (осидори) – в китайской и японской поэзии образ вечной любви, верных супругов

А где-то вдали
Уныло кричат мандаринки
На зыбком ложе своем...

Затем, затворившись в опочивальне, он предался воспоминаниям об ушедшей. Возможно, он на миг задремал; во всяком случае, возник перед ним ее неясный образ. Серdito глядя на него, она сказала:

– Вы обещали молчать, но мое имя стало достоянием молвы. Позор и нестерпимые муки – вот мой горестный удел.

Только он собрался ответить, как кто-то будто навалился ему на грудь, и тут же он услышал голос госпожи из Западного флигеля:

– Что с вами?

Очнувшись, Гэндзи долго не мог прийти в себя. Сердце его тревожно билось, платье оказалось насквозь промокшим, – очевидно, он плакал во сне. «Что с ним?» – встревожилась госпожа. Но Гэндзи лежал не двигаясь.

Сон безмятежный
Не приходит. На миг забывшись,
Просыпаюсь в тоске.
Сновидения зимних ночей
Так тревожны и так мимолетны...

Неизъяснимая печаль сжала сердце, и, быстро поднявшись, он повелел, никому ничего не объясняя, заказать чтения сутр в разных храмах. Ушедшая именно его обвиняла в своих страданиях... «Неужели ее муки так ужасны? – сокрушался Гэндзи. – Ведь она все дни отдавала служению Будде и, казалось, немало сделала для того, чтобы облегчить бремя, отягощающее ее душу. И все же один-единственный тайный грех мешает ей очиститься от скверны этого мира».

Чем глубже проникал Гэндзи в душу вещей, тем большая тоска овладевала его сердцем. Как желал бы он найти дорогу в тот неведомый мир, где блуждает ныне ушедшая, и взять на себя ее муки! Но, боясь пересудов, он не решался даже открыто позаботиться об успокоении ее души. Тем более что тогда и Государь укрепился бы в своих подозрениях. Поэтому Гэндзи оставалось лишь в сердце своем возносить молитвы будде Амиде. «О, сделай так, чтобы возродились мы в едином Лотосе», – взывал он.

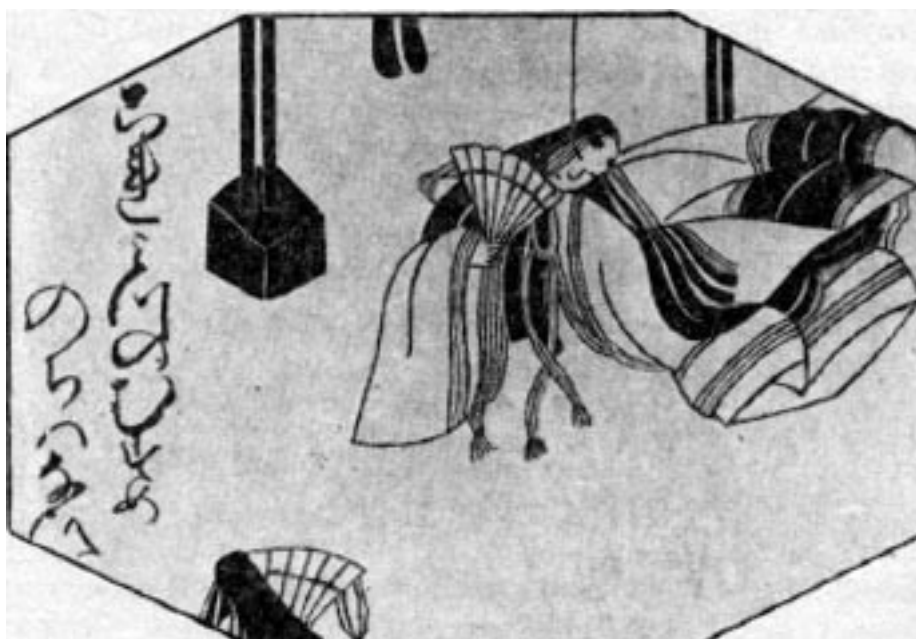
Даже если решусь
За ушедшей вослед устремиться,
Вняв голосу сердца,
У Последней реки⁷ заблудившись,
Ее тени и той не увижу...

Право, мог ли он не печалиться, думая об этом?..

⁷ *Последняя река* – Речь идет о реке Трех дорог (сандзу-но кава), через которую переправляются умершие на пути своем в иной мир. На берегу реки сидят старуха, срывающая с умерших платье, и старик, который вешает это платье на дерево, и по тому, как свисает оно, определяет, какие прегрешения были совершены умершим в жизни, после чего направляет его на одну из трех переправ

Юная дева

Основные персонажи

Министр Двора, Великий министр (Гэндзи), 34 года

Бывшая жрица Камо (Асагао) – дочь принца Момодзоно

Пятая принцесса – сестра имп. Кирицубо и принца Момодзоно

Третья принцесса, госпожа Оомия, – мать Аои и Удайсё, супруга Левого министра

Молодой господин, сын Великого министра, Дзидзю (Югири), 12-14 лет, – сын Гэндзи и Аои

Удайсё, министр Двора (То-но тюдзё), – брат Аои, первой супруги Гэндзи

Бывшая жрица Исэ, нёго из Сливового павильона, Государыня-супруга (Акиконому), 24-26 лет, – дочь Рокудзё-но мясудокоро и принца Дзэмбо, воспитанница Гэндзи

Нёго из дворца Кокидэн – дочь Удайсё, наложница имп. Рэйдзэй

Принц Хёбукё, принц Сикибукё, – отец Мурасаки

Девочка, юная госпожа (Кумои-но кари), 14-16 лет, – младшая дочь Удайсё

Адзэти-но дайнагон – отчим Кумои-но кари

Правитель Оми, Сатюбэн (Ёсикиё), – приближенный Гэндзи

Правитель Цу, Сакё-но дайбу (Корэмицу), – приближенный Гэндзи

Танцовщица Госэти, То-найси-но сукэ, – дочь Корэмицу

Госпожа Госэти (Цукуси-но госэти) – дочь Дадзай-но дайни, возможно, бывшая возлюбленная Гэндзи (см. гл. «Сума»)

Обитательница Восточной усадьбы, госпожа Западных покоев (Ханатирусато), – возлюбленная Гэндзи

Ушедший на покой Государь (имп. Судзаку) – сын имп. Кирицубо и Кокидэн, старший брат Гэндзи

Государь (Рэйдзэй) – сын Фудзицубо и Гэндзи (официально сын имп. Кирицубо)

Принц Хёбукё (Хотару) – сын имп. Кирицубо, младший брат Гэндзи

Великая государыня (Кокидэн) – мать имп. Судзаку

Госпожа из Западного флигеля (Мурасаки), 26 лет, – супруга Гэндзи

Найси-но ками (Обородзукиё) – придворная дама имп. Судзаку, тайная возлюбленная Гэндзи

Госпожа Акаси, 24 – 26 лет, – дочь Вступившего на Путь из Акаси, возлюбленная Гэндзи

Год еще раз сменился новым. Срок скорби по ушедшей Государыне подошел к концу, и все сняли темные одеяния, поэтому в день Смены одежд яркость нарядов особенно радовала взоры, а уж когда приблизился праздник Камо и установились теплые, ясные дни, от прежнего уныния не осталось и следа. Только бывшая жрица Камо по-прежнему была печальна и задумчива. Ее молодые прислужницы, с волнением прислушиваясь к шелесту листьев кассии в саду¹, вспоминали былые дни. Как-то принесли письмо от министра:

«Наверное, в этом году Вы проведете день Священного омовения, предаваясь тихим раздумьям. И сегодня...

Ведал ли я,
Что, снова на берег нахлынув,
Волны речные
На этот раз унесут
Твое темное платье скорби...»

Сложенный официально² листок лиловой бумаги был прикреплен к ветке глицинии. Присланное как раз вовремя, письмо Гэндзи тронуло сердце жрицы, и она не стала медлить с ответом:

«Словно только вчера
Это темное платье надела,
И уже наступил
Омовения день. Мир наш, право,
Так изменчив – то омут, то мель... (190)

О да, зыбко...»

Вот и все, что она написала, но Гэндзи, как обычно, долго не мог отложить ее письма. Когда подошел к концу срок скорби, он позаботился о том, чтобы обеспечить ее новыми нарядами, и они заполнили покои Сэндзи так, что и места свободного не оставалось. Жрица была недовольна и не скрывала этого. Она не задумываясь отправила бы дары обратно, будь при них послание, содержащее двусмысленные намеки, однако в письме Гэндзи не оказалось ничего предосудительного, и она совсем растерялась, не зная, как лучше объяснить ему... Ее положение осложнялось еще и тем, что внимание с его стороны не было чем-то из ряда вон выходящим, в последние годы он оказывал ей услуги подобного рода во всех случаях, когда то допускалось приличиями.

¹ ...прислушиваясь к шелесту листьев кассии в саду. – Во время празднества Камо головные уборы принято было украшать листьями мальвы и кассии, поэтому шелест листьев кассии невольно напомнил дамам о том времени, когда их госпожа была жрицей святилища Камо

² Сложенный официально – т. е. письмо было сложено в узкую полоску, с загнутыми книзу концами (*татэбуми*), как полагалось в официальной переписке. В любовной переписке письмо свертывалось в маленький свиток (*мусубибуми*)

Гэндзи весьма часто писал и к Пятой принцессе, что ее чрезвычайно трогало.

– Кажется, еще вчера он был ребенком, и вот перед нами муж в полном расцвете лет, своими попечениями скрашивающий мое унылое существование. Необыкновенная красота соединяется в нем с превосходными душевными качествами. Право же, равного ему нет в мире, – расхваливала она его, и молодые дамы смеялись. А встретившись с бывшей жрицей, Пятая принцесса сказала:

– Господин министр весьма с вами любезен. Но я не вижу в этом ничего дурного, он давно питает к вам нежные чувства. Помнится, покойный принц часто сетовал на то, что разошлись линии ваших судеб и министр не стал ему зятем. Он не раз жаловался мне на ваш своевольный нрав, который помешал ему осуществить задуманное. Пока жива была дочь ушедшего Великого министра, я из жалости к Третьей принцессе не хотела становиться посредницей. Но теперь этой благородной особы, с которой связывали его столь прочные узы, уже нет. Так что же мешает вам выполнить желание покойного отца? Тем более что министр снова начал проявлять к вам внимание... В этом видится мне знак связанности ваших судеб.

Раздосадованная увещеваниями этой старомодной особы, жрица ответила:

– Отец всегда считал меня своенравной, и такой я была вплоть до сего дня. Так неужели я изменю себе, склонившись перед обстоятельствами?

Разговор был ей явно неприятен, и Пятая принцесса отказалась от мысли ее убедить.

Зная, что обитатели дворца Момодзоно, как высшие, так и низшие, были на стороне Гэндзи, жрица жила в постоянной тревоге. Однако сам Гэндзи, сделав все, что было в его силах, дабы уверить ее в искренности и глубине своих чувств, не предпринимал больше ничего, что могло бы показаться ей оскорбительным, и терпеливо ждал: «Быть может, когда-нибудь...»

В последнее время он был занят подготовкой к церемонии Покрытия главы молодого господина из дома ушедшего Великого министра. Сначала он намеревался провести ее в доме на Второй линии, но потом передумал, скорее всего из жалости к старой госпоже Оомия, которая – что вполне естественно – тоже не хотела оставаться в стороне.

Дядя мальчика с материнской стороны – а все они, начиная с господина Удайсё, были теперь важными сановниками и пользовались большим влиянием при дворе – отнеслись к приготовлениям с чрезвычайным вниманием, каждый старался превзойти остальных в щедрости. Мир пришел в волнение, люди только и говорили что о предстоящей церемонии.

Гэндзи предполагал присвоить сыну Четвертый ранг, но неожиданно для всех изменил свое решение. «Мальчик еще мал, – думал он. – Есть что-то слишком заурядное в столь раннем возвышении, особенно теперь, когда мир полностью подчиняется моим желаниям...» И, к досаде и возмущению госпожи Оомия, мальчик возвратился к своим придворным обязанностям в зеленом платье³. Встретившись с министром, старая госпожа сразу же заговорила об этом.

– По-моему, не стоит принуждать его взрослеть раньше времени, – объяснил ей министр. – Возлагая на него вполне определенные надежды, я предпочитаю, чтобы пока он совершенствовался в науках. На ближайшие два-три года ему лучше отойти от придворной службы. Достигнув же возраста, наиболее подходящего для того, чтобы прислуживать в Высочайших покоях, он сразу же займет там значительное положение. Сам я вырос в Девятивратной обители и долго не ведал, что происходит за ее пределами. К тому же, днем и ночью находясь при Государе, я имел возможность ознакомиться лишь с самыми доступными сочинениями древности, да и то чрезвычайно поверхностно. Кое-какие знания были восприняты мною от самого Государя, но, пока я не приобрел достаточно широких представлений о мире, мне не удавалось добиться успеха ни в чем – ни в науках, ни в музыке, и во многих областях я так и

³ ...возвратился к своим придворным обязанностям в зеленом платье. – Зеленое платье полагалось носить лицам Шестого ранга

остался неучем. У глупых отцов вырастают мудрые сыновья, и, если предположить, что каждое новое поколение будет хуже предыдущего, нельзя без страха и помыслить о будущем. Именно это и привело меня к такому решению.

Возьмите, к примеру, юношей из знатных семейств. Привыкшие получать любые удобные им должности и звания, кичащиеся своим благополучием, они далеки от того, чтобы утруждать себя науками. Помышляя единственно о развлечениях, они без всяких усилий со своей стороны повышаются в чинах, а придворные льстецы, ухмыляясь за их спиной, в лицо им расточают похвалы и раболепствуют перед ними. В конце концов эти юнцы и сами начинают смотреть на всех свысока... Но, увы, времена меняются, и, лишившись могущественного покровителя, они разом теряют свое влияние и, презираемые людьми, скитаются по свету, нигде не находя прибежища. Только на основе китайских знаний дух Ямато может упрочить свое значение в мире.

Вполне вероятно, что теперь мальчик чувствует себя обиженным, но я хочу быть уверен в его будущем, а это возможно лишь в том случае, если он овладеет знаниями, достаточными для того, чтобы когда-нибудь стать опорой Поднебесной. Только тогда я смогу спокойно уйти, оставив его одного. Пусть сейчас его положение и незавидно, но, пока я забочусь о нем, вряд ли найдутся люди, которые посмеют насмехаться над «бедным школяром».

Внимательно выслушав объяснения министра, госпожа Оомия ответила, вздыхая:

– Да, вы, наверное, правы. Но я знаю, что Удайсё и все прочие осуждают вас за столь явное отступление от общепринятого. Да и сам мальчик, верно, затаил обиду в своем юном сердечке, и ведь есть отчего: даже сыновья Удайсё и Саэмон-но kami, на которых он всегда смотрел с высока, получили соответствующие звания и сразу же почувствовали себя взрослыми, а он должен носить ненавистный зеленый наряд. Жаль его.

Но Гэндзи только улыбнулся.

– Возможно, он и считает себя взрослым, но ведь обиды его совсем детские. Что ж, в таком возрасте... – сказал он, но нетрудно было заметить, что он гордится сыном.

– Я уверен, что, когда он овладеет знаниями и проникнет в душу вещей, обиды исчезнут сами собой.

Церемония Наречения⁴ проходила в Восточном флигеле Восточной Усадьбы, нарочно подготовленном для этой цели.

Важные сановники и придворные, изнемогая от любопытства, ибо редко кому из них доводилось видеть что-либо подобное, съезжались, стараясь опередить друг друга. Ученые мужи совсем оробели.

– Пусть вас ничто не смущает, – говорил им министр. – Делайте все, что положено в таких случаях, ни в чем не нарушая установлений.

Ученые мужи старались держаться спокойно и независимо. Они принимали важные позы, говорили звучными, торжественными голосами, не понимая, сколь нелепы их фигуры в сшитых не по росту парадных одеждах, явно одолженных у кого-то ради такого случая. Забавно было наблюдать, как они рассаживались по местам, строго следуя установленному порядку. Многие из молодых придворных не могли удержаться от смеха. Понимая, что на них полагаться трудно, Гэндзи выбрал нескольких степенных сановников, которых не так-то легко рассмешить, и отдал на их попечение сосуды с вином, но разве кто-нибудь знал, как должно вести себя во время столь необычного собрания? Когда Удайсё и Мимбукё начали неуверенно предлагать участникам церемонии чаши, ученые мужи тут же накинулись на них с попреками.

⁴ *Церемония Наречения*. – Проводилась после того, как юноши, желавшие посвятить себя наукам, сдавали экзамены в Палате наук и образования. Каждому давался псевдоним (обычай, заимствованный из Китая), состоявший из двух знаков: фамильного и какого-нибудь еще, подходящего по смыслу. Церемония Наречения проводилась обычно в незнатных домах, в среде ученых-конфуцианцев. В аристократических кругах она была редкостью

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.